

Казахское слово

Автор: Бельгер Герольд

Страна: Казахстан

Год издания: 2001

Тіл — көңілдің кілті

Язык — ключ к душе человека

Жақсы сөз — жарым ырыс.

Доброе слово — половина блага.

Казахская поговорка

Поводом для написания этих беглых заметок послужила давняя потребность поделиться с так называемым русскоязычным читателем своими многолетними наблюдениями о некоторых качествах, своеобразиях и достоинствах казахского речестроя.

Уже несколько лет не выходит у меня из головы одна, не очень приятная, встреча с эмиссаром из ЦК КПСС по фамилии Мищенко (а, может, Тищенко или даже Нищенко, точно уже не помню), который, прибыв по горячим следам декабрьских событий 1986 года из Москвы, пригласил меня на конфиденциальную беседу в ЦК КП Казахстана, чтобы я — как человек нейтральный («ара ағайын») и имеющий определенные представления о казахском языке (как-никак переводчик казахской художественной прозы) — просветил его по части лексического запаса казахов, так как накануне некий доморощенный «знаток» языка доверительно сообщил ему, что казахский язык состоит всего из 200 слов (ни больше, ни меньше). Чувствовалось, что Мищенко (кстати, вел он себя как хозяин Казахстана) очень хотелось, чтобы я это авторитетно подтвердил: да, так и есть, казахский язык, о котором вдруг стали так обостренно и много говорить, состоит именно из 200 слов.

Я это утвердить не мог и тем самым не оправдал надежд и доверия высокого гостя. Более того, пустился, помимо воли, в длинные рассуждения о природе казахского языка, ссылаясь на суждения и авторитеты академиков Бартольда и Радлова, помянул и Янушкевича, обрушил на голову рассеянного слушателя поток примеров, и разочарованный, раздосадованный представитель-инспектор ЦК КПСС, оборвав меня и сдержанно поблагодарив, отправил восвояси.

Легенда (лживая и унижительная) о бедности и скудости казахского языка внедрялась в сознание общества десятилетиями (если не столетиями). Она пустила очень глубокие корни даже среди вполне порядочных, образованных, либеральных людей. Помню, как примерно в то же время один известный московский критик-литературовед, знаток европейских языков, в перерыве на одном из переводческих семинаров отвел меня в сторонку и поинтересовался: «Скажите, только честно, казахский язык действительно язык или скотоводческий диалект узбекского?»

Я растерялся от такого вопроса.

Позже ГДР-овский журналист, общительный бородач, за дружеским застольем без подвоха, совершенно искренне спросил: «Есть ли слово «любовь» у казахов и соответствует ли это понятие у них европейскому?» И ты, Брут?!

От удивления я, выражаясь по-казахски, схватился за воротник.

Поистине: невежество — бич разума.

То, что досужее мнение, будто казахский язык скуден и беден, — ложь и кощунство — еще не главная беда.

Главная беда в том, что в эту легенду со временем уверовала и значительная часть так называемых носителей языка. Которые в сущности ими не были. Или не являются. Но которые эту легенду вольно или невольно, сознательно или несознательно всячески тиражировали.

Я всегда испытываю стыд и неловкость оттого, что иные казахи, по тем или иным причинам давно отлученные от

этнических корней, от родного языка, с апломбом говорят о его скудности.

В последние пятнадцать лет (особенно!) языковая буря в Казахстане не утихает. Страсти бушуют повсеместно. Ищут виновных в бедственном положении языка. В печати теребят косноязычных мажилисменов и безъязыкое правительство. Ударяются в крайности. Раз-облачают мнимых врагов и друг друга. Хватаются за палицу, которую поднять не в силах. Увесистые тумакі достаются нерадивым. От «манкуртов» летят клочья. В пылу спора незаслуженно достается и русскому языку — выразителю «имперского» зла. Случается, щипают и неведомых, но якобы вездесущих «масонов». Косяками рождаются беспомощные концепции и беззубые про-граммы развития государственного языка. Пишутся серьезные и не очень статьи в защиту его (от кого? от чего?).

Все понятно. Все логично. Все объяснимо.

Сказать, что воз и ныне там, что реальных сдвигов нет, было бы неправильно. Несомненно, есть позитивные результаты. Свидетельствую: аура казахского языка заметно расширилась именно в последние годы. Все больше говорят на казахском языке. Все более конкретно заботятся о нем. Растет его востребованность.

И хотя все понимают: возрождение языка никак не произойдет в одночасье, нужны терпение, старание, условия, постоянные усилия, общественная, государ-ственная, индивидуальная воля, нужна непроходящая, повседневная, взыскующая любовь к главному богатству народной души, все же сплошь и рядом, печатно и устно слышны нарекания, недовольства, ропот и отчаяние по поводу медленного, слишком медленного восстановления и развития родной речи. Казахи, на мой взгляд, вообще максималисты, им выдай сразу все и в полной мере: и независимость, и свободу, и достаток, и расцвет по всем параметрам. Казах предпочитает хотя бы один день быть бурой (верблюдом-самцом), чем тридцать дней атаном (кастрированным рабочим верблюдом).

Увы, так не бывает.

Казахскому языку лишь сравнительно недавно придан государственный статус, и, понятно, государственным в полном, желаемом смысле и объеме он пока не стал. Однако, если народ захочет, если народ, от мала до велика, в том заинтересован — станет.

Поэтесса и депутат Мажилиса Фариза Онгарсынова назвала его с болью «государственным сиротой». Она, может, и недалеко от истины, и пафос ее заявления, полагаю, разделяет большинство ее сограждан, однако, главную вину сиротства следует, убежден, искать прежде всего в самих носителях этого языка или, точнее, среди тех, кто по этническому происхождению должен бы быть носителем. Российских немцев, развешанных по городам и весям империи в недобрые времена, сурово преследовали за то, что они «шпрехали» на родных диалектах. Казахам же на их земле, в их независимой стране, слава Аллаху, за стремление к родному языку не преследует никто. И об этом следовало бы помнить везде и всюду. «Империя», конечно, большое зло, но в национальной нерадивости она виновата лишь отчасти.

В силу своего воспитания и профессии литератора-переводчика, по своей определенной причастности к культуре коренных казахстанцев я давно и принципиально ратую за развитие и расцвет казахского языка, ибо глубоко сознаю, что он того достоин. Но смотрю на эту проблему более радужно, уверенный, что за последние годы заложен совсем неплохой фундамент для достижения вожаемой цели и полагаю, что если не упустить, не пригасить инерции возрождения, восстановления, то со временем, через, скажем, два-три десятилетия можно будет говорить о серьезных результатах на этом пути.

Не нужно только постоянно — извините — скулить, скорбеть, нудить, разводить вселенский плач, убиваться, сетовать, кого-то обвинять и проклинать, а методически, шаг за шагом, целеустремленно, изо дня в день, на всех уровнях добиваться желаемого. Абаевское кредо «ақырын жүріп, анық бас» («идя медленно, ступай уверенно») в этом случае весьма кстати. Для этого есть все основания и все возможности. О том, на мой взгляд, красноречиво свидетельствует недавно обнародованная «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы». Главное достоинство этой программы в том, что она не ущемляет множества языков в Казахстане, а настроена на оказание поддержки казахскому языку, чтобы он мог в полной мере выполнять функции государственного.

Своими скромными разрозненными заметками, наблюдениями, замечаниями по поводу и без повода хочу также внести свой посильный вклад в решение этой сложной и ответственной проблемы.

Хочу поведать своим гипотетическим читателям о своем понятии, представлении, ощущении относительно особенностей и богатства казахского речестроя, надеясь, что это может быть интересно и для русскоязычных, и для тех, кто не совсем в ладу с родным языком.

Хотя я и вырос в казахской среде и живу в Казахстане 60(!) лет, но все же по происхождению являюсь российским немцем, то есть, в какой-то мере как бы наблюдателем со стороны, а со стороны, говорят, все виднее, человек со

стороны, иного рода-племени, случается, подмечает то, что не всегда видит тот, кто повседневно варится в своем национальном казане.

Я не стану придавать своим запискам строго систематический, научный вид, это не учебник, не пособие, не путеводитель, не «методичка», это именно записки, вольное изложение своих наблюдений, родившихся в течение многих лет. Нередко это — разрозненные заметки из записных книжек разных лет или пометы на полях прочитанных книг, и буду излагать свои наблюдения абсолютно вольно, как Бог на душу положит, а читатель вправе их читать, если охота, как ему заблагорассудится — с начала, с конца, соглашаться или оспаривать, дополнять и расширять их по мере своих познаний.

Словом, это непритязательная, вольная беседа с равнодушным читателем.

И еще: я постараюсь быть лаконичным, дабы не утомить уважаемого собеседника. Известно: веревка хороша длинная, а речь — короткая.

II

Was Hünschen nicht lernt, lernt

Hans nimmermehr

Что Гансик не выучил, тому

Ганс не научится.

Немецкая пословица

1941-й год. Война. Осень. Холод. Нужда. Неопределенность и страх. Мы, спецпереселенцы с Волги, живем сиротливо при медпункте в казахском ауле на берегу Есиля (Северный Казахстан).

Отец, фельдшер, обслуживает ближайшие населенные пункты. Мама обменивает свои городские «наряды», остатки бывшего благополучия, прихваченные при депортации, казахам-соседям на молоко, пшено, ячмень, шерсть. Я играю с казахатами-сверстниками и запоминаю первые казахские слова: бар, жоқ, кел, бер, жүр, нан, айран, ет, ат... Иногда в рифму: жол — дорога, сиыр — корова, жүген — узда... Далее нечто непотребное, непечатное, доселе неслышанное. «Либер Гот!» — поражается мама. Отец поощряет мои старания.

«Пригодится...» Меня учат все охотно и увлеченно. Все аулчане — от сорванца Аскера до подслеповатого дяди Тайшика — мои учителя.

Ежедневно хожу с солдатским котелком к соседям за молоком. Смешливые и приветливые сестры-погодки Кульшара и Кульбара Касымовы тоже учат меня казахским словам. Им это доставляет удовольствие. Они «крутят» мой язык и хохочут от души. Называют меня то «Гера», то «Кира», то «немыс-бала» и угощают сушеным кислым сыром и жареной на бараньем сале пшеницей. Ничего подобного на Волге не ел. Вскоре я узнаю, что молоко по-казахски — сүт, а из коровьего молока готовят «ағарған» — «белую пищу»: айран, қатық, қаймақ, бал каймақ, ақ қаймақ кілегей, белый иримчик, красный иримчик, койыртпақ, іркіт, сарысу, тасқорық, шалап, уыз, сірне, құрт, ежігей, сықпа, сүзбе; из кобыльего молока — қымыз, из верблюжьего; шұбат, қымыран, которых тоже бывает десятки видов.

Ни в русском, ни в немецком языках не подберешь для всех этих названий адекват. Приходится прибегнуть к описательному, разъяснительному переводу. И это открытие поражает.

Начинаю вникать в смысл названий близлежащих аулов, входящих в радиус обслуживания моего отца. Как метко и поэтично! «Көктерек» — зеленый тополь. «Терең сай» — глубокий овраг. «Қаратал» — черная ива. «Жаңа жол» — новый путь. «Жаңа талап» — новое стремление, новая цель. «Өрнек» — узоры. «Алқа ағаш» — лес-ожерелье. «Ақ су» — беловодье. «Жаңа су» — новый источник. Видно, казахи — большие мастера по определению, характеристике местности. Точнее не скажешь. Точно и картинно! И мне это интересно.

Годы спустя я узнаю, что многие русские, по фонетическому обличью, названия местности — на самом деле неузнаваемо искаженные казахские слова. Ганюшкино — оказывается, «Қан ішкен» (место побоища, где проливалась кровь), а ущелье «Комиссар» на самом деле «Кім асар» (буквально: «Кто одолеет?»). И таких казусов окажется в Казахстане — пруд пруди.

Название старинных казахских поселений раскрывает их биографически сущностный признак: «Қара өткел» — черный брод; «Ақмешіт» — белая мечеть; «Ақмола» — белый холм, белая возвышенность; «Қарағанды» — караганник, заросли караганника; «Жезқазған» — медь копали; «Екібастұз» — «две головки соли»; «Ақтау» — белая гора; «Қаратау» — черная гора; «Алатау» — пестрые горы; «Көкшетау» — синие горы; «Алматау» — яблоневые горы; «Қызыл жар» — красный яр и т.д. Ничего случайного! Точно, образно, исчерпывающе.

Несколько десятилетий назад, когда Аральское море было еще в силе, красе и могуществе, я бывал в тех краях, и

мне рассказывали о гряде островков, которые назывались «Қыз қашқан» («девушка сбежала»), «Қыз қуған» («за девушкой погнались»), «Дамбал қалған» («штаны остались»). Целая картина. Пиши хоть повесть, хоть драму. А какого смысла и красоты, значения и желания исполнены казахские собственные имена! Каждое имя — целый мир. Ну, какие имена были в немецких селах Поволжья? Сплошь и рядом: Иоганн, Иоганнес, Фриц, Петер, Вильгельм, Христьян, Хайнрих, Карл, Анна, Маг-далина, Амалия, Маргарита, Виктория, Ольга... Конечно, как я потом узнаю, и эти христианские имена имеют свое значение, свой смысл. Но выбор-то совсем невелик, и случилось, в многодетной немецкой крестьянской семье одного звали Иоганн, другого Иоганнес, третьего — Ганс, одного — младший Фриц, другого — большой Фриц. Все собственные имена вертелись вокруг двух-трех десятков. Даже Рейнгольды и Рейнгарды, как слишком интелли-гентные, городские, встречались не так уж часто.

А у казахов имен столько, сколько и слов. А, может, даже и больше, если учитывать заимствования из араб-ского, персидского, монгольского, тюркского и других языков. Казахи неистощимы в придумывании имен для своих детей. Все учитывается: род, местность, время года, предки, какой-нибудь знаменательный случай, желание, мечта, намек, традиция, созвучие, благословение, житейская деталь, даже какой-нибудь казус. Все грани бытия, все проявления и параметры человеческой жизни, все аспекты нравственного и духовного бытования, все оттенки поэтического восприятия беспредельного мира, история собственная и заемная, вплоть до звуко-подражания и инородных, иноязычных терминов, до сокращенных слов и аббревиатур, причудливых образо-ваний — все, все находит отражение в казахских соб-ственных именах. Казахская ономастика — удивительная, поразительная, увлекательная наука.

Если я начну приводить примеры, то моим запискам не будет конца... Тем более на тему казахской ономастики много писал профессор Телькожа Жанузаков. Блистатель-ное эссе «У каждой эпохи свои имена» опубликовала несколько лет назад в «Казахстанской правде» Такура Жаксыбай. Разные справочные материалы о значении казахских имен можно найти в словарях. Будучи студентом, а позднее учителем, и я одно время сильно увлекался сбором казахских имен, собрал их в разных областях не-сколько тысяч, систематизировал их, интересовался их этимологией, имел десятки корреспондентов, которые со всех сторон присылали мне списки имен родных и близких. Потом, став аспирантом, я узнал, что этим же более научно и серьезно занимается сотрудник Института языкознания Академии наук Казахской ССР Т. Жанузаков, к тому же мне почудилось, что тема эта беспредельна — все равно, что собирать все слова на свете, и я охладел к своему своеобразному хобби.

Чтобы не повторять известное, я ограничусь здесь лишь двумя-тремя случаями из моей личной практики во время сбора казахских имен.

В пору моего учительствования в районном центре Байкадам Джамбулской области я квартировал у вдовы по имени Кармеш. Я сразу записал это редчайшее (если не единственное) имя в свой фолиант и долго ломал голову: что оно означает, откуда пришло. Исчерпав свои познания по части этимологии, я обратился к носительнице этого имени. И она поведала его историю. Родилась она в 1925 году в глухомани. На шильдехану (праздник по случаю рождения ребенка) пригласили русского гармониста из со-седнего села. Братишка-несмышлениш новорожденной с удивлением тыкал в гармонь и все спрашивал: «Бұл не?» («Что это?»). Взрослые отвечали: это гармонь, гармошка. «А-а, — возликовал мальчишка, — кармошке, кармеш* кармеш!» Это слово в устах любимца-мальца так обрадовало взрослых, что они тут же нарекли новорожден-ную небывалым именем — Кармеш. Вот и вся этимология! И вся история!

Другой случай. В начале 50-х годов у преподавателя казахской литературы нашей школы, большого оригинала и выдумщика, родилась девочка. До нее появились в семье на свет двое мальчиков. Первого называли Бейбит (Мир), второго — Омир (Жизнь). Я был на той шильдехане и помню затянувшийся спор: какое же имя дать девочке. Неожиданный выход нашел сам отец. Бейнегуль! Да, да, Бейнегул («Подобная цветку»). Красиво, звучно и — главное — со смыслом. Сложилась первая строчка стихотворе-ния: Бейбіт Өмір — Бейнегүл, то есть, Мирная Жизнь подобна цветку. Ну, не красиво ли? Имена трех детей аульного учителя сложились в картину мироздания, в философию: Мир и Жизнь подобны цветку. Неразрывное триединство!

Я уже не удивлялся тому, что у казахов встречаются имена: Коммунар, Съезд {Сиязбек}, МТС, Лениншил, Колхозбек, Совхозбек, Социал, Коминтерн, Маскеубай (сын родился, когда отец ездил на ВДНХ в Москву, вот и Мэскеубай), Маркс, Энгельс, Октябрь, МЭЛС, Марэлс (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), Гегель, Идеал, Арарат, Гений, Меркурий, Генерал, Маршал, Берлин, Париж, Талант, Сунь-Ят-сен и т.д. и т.п.

Абдижамил Нурпеисов рассказывал мне, как в одном аральском колхозе в послевоенное время встретился ему мальчуган по имени... Сталин. Сидели как-то гости в какре (плоскокрышая мазанка) и вдруг слышат громкий вопль хозяйки: «Эй, Сталин, будь ты неладен! Куда ты прова-лился, негодник?! Ох, задам тебе трепку! — Ста-лин-ай, ты что теленка отпустил? Он же все молоко выцедит! Ах, Сталин, Сталин, дурачок! Чтоб тебя...» Гости опешили,

переглянулись. Усатый вождь был еще жив. И шутки с ним были плохи. Хоть и был он силен в языкознании, но в казахской ономастике разбирался слабовато. Придя в себя, гости посоветовали хозяевам срочно поменять имя своего непутевого отпрыска.

Но вот встретилось мне имя Полас, и я опять был в недоумении. Что сие означает? Выяснилось: сокращение первых букв от Пушкин, Островский, Лермонтов, Абай, Сабит. Родитель, как видно, был книголюб и грамотей. Словом, форма образования имен у казахов безгранична. Казахские имена отражают быт, эпоху, социальные потрясения и высшие человеческие идеалы.

Элементы этого феномена открылись мне в детском возрасте, когда я впервые очутился в казахском ауле, а поражают, удивляют меня до сих пор, когда я уже благополучно преодолел возраст Пророка.

* * *

И еще одно открытие моих детских лет: как поют в аулах! Самозабвенно, задушевно, охотно, подзадоривая, поддерживая, вдохновляя друг друга, восклицая: «Уа, де», «Ой, жаса», «Ай, дегенің-ай», «Ай, азамат». Песни раздольные, широко льющиеся, проникновенные, протяжные, то печальные, то ликующие. Не у всех есть голос, но поют все. Поют в одиночку, иногда попарно, втроем, даже хором — но в унисон. На Волге, в немецких селах, тоже охотно пели, но там культивировали многоголосье. Заранее, бывало, распределяли: ты ведешь первую партию, ты — вторишь, ты подпеваешь третьим голосом. Получалось удивительно многоцветно. А в аулах поют главным образом в унисон. Поют при каждом удобном случае и даже в одиночку, когда человек едет верхом или на телеге, пасет скот или прядет шерсть. Многие годы спустя прочту у Г.Н.Потанина, друга Чокана Валиханова, большого знатока казахской культуры: «Мне чудится, что вся казахская степь поет». А в школе заучиваю наизусть абаевские строки:

Тұғанда дүние есігін ашады өлең,
Өлеңмен жер койнына кірер деген...

В переводе П. Карабина это звучит по-русски так:

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожала в землю прах, скорбя.

Об этом я узнаю позже. А пока в родном ауле я начинаю различать «Ләйлім шырақ», «Сырымбет», «Ақ сиса», «Қамажай», «Құлагер», «Ғалия», «Қаракесек», «Паровоз». В смысл, в слова этих песен не вникаю, но мелодию улавливаю и стараюсь ее воспроизводить на мандолине. А однажды мы трое — отец на скрипке, мать — на гитаре, я — на мандолине — сыграли в школе «Қамажай». Боже, какая буря восторга обрушилась на нас! Мы сразу и бесповоротно завоевали расположение аулчан. Красивы казахские песни. Жаль, что не понимаю слов. Но понимание скоро придет. Лица аулчан светлели, когда они пели. Глаза сияли. А ведь шла война, жили скудно, и радость была редкой гостьей.

... В аспирантуре мне попадет на глаза статья востоковеда и педагога А. Алекторова «Киргизская песня». И я удивлюсь, как зримо и точно воспроизвел он свои впечатления от слушания казахской песни и как это созвучно моим детским ощущениям.

«На дворе шумела буря, а я сидел в теплой зимовке и слушал пение. Певец расположился на бараньей шкуре и перебирал струны своей домбры-балалайки. Тихое дребезжание струн, легкий шелест приближающихся к певцу слушателей, его глухие, заунывные звуки настраивали душу мою на особый лад. И сколько может быть поэзии в этой дикой песне, в этой дикой музыке! Я никогда не поверил бы, что на двухструнной, почти самодельной домбре можно извлекать такие нежные и приятные звуки, я не поверил бы, что его песня может гармонировать с бушующей природой, если бы сам не слышал этой дикой, за душу хватающей песни! Он пел. С певца катился пот, воодушевление росло, а слушатели все плотнее и плотнее сдвигались около него и в такт качали головами. Певец снял платок, вытер пот с лица и снова запел, вторя музыкальным переливам бушующего ветра, и не один вздох вылетал из груди слушателей, у которых, как говорится, начинали ходить нервы».

Очень верное описание песенного торжества.

Тогда же я вычитал у Григория (Ахмет Байтурсынов говорил уважительно: Гереке) Потанина: «Слышу, как прекрасно поет казахское небо».

Увы, в наше время такое сказать уже сложнее...

Жақсы сөз — жан азығы.
Хорошее слово — душе опора.
Казахская пословица

Осенью 1944 года я пошел во второй класс казахской средней школы. Русской школы в ближайшей окрестности не было. О немецкой школе — после тотальной депортации российских немцев в Сибирь и Казахстан — Даже мечтать воспрещалось. «Ничего, — утешал отец меня и себя. — Таблица умножения везде одинаковая. У всех народов дважды два — четыре. А знание других языков никогда не помеха». По первоначальным навыкам (родители занимались мною дома) я мог бы пойти и в четвертый класс, но был все еще слабоват по казахской части. Я уже многое понимал и сносно говорил, но некоторые казахские звуки — қ, ғ, ө, ұ, ү, ы, і, ә — упорно не давались, да и словарный запас был беден. К тому же сходу засорил язык ненормативной лексикой, от чего отвыкал очень трудно.

В познаниях казахского языка я сравнивался со своими сверстниками-казахами лишь в пятом классе, а по грамотности и грамматике даже превзошел многих (не считите за хвастовство). Морфологические и синтаксические понятия {жіктеу, септеу, жалғау, жұрнақ, жай сөйлем, сабақтас, салалас, аралас, құрмалас сөйлем и прочее) сами лезли мне в рот. И поныне с благодарностью вспоминаю первую мою учительницу Кульшару Касымову и учительницу по казахскому языку в 5-7 классах Мисалым Садыкову. Именно в этих классах формируется грамотность по грамматике. (Я знаю казахских писателей, совершенно беспомощных по части грамматики, и этот пробел заметно отражается на их творчестве, при всем таланте и прочих достоинствах). Казахский язык все более естественно и активно входил в мою душу. Примерно с 8 класса повадился кропать стишки на казахском языке — беспомощные, спотыкливые, вымученные. Писал лесенкой, подражая Маяковскому и по незнанию ломая версификационные традиции. Что стишки мои никчемные, понял лишь студентом первого курса литфака и тотчас излечился от зуда рифмовать. Теперь радуюсь, что вовремя опомнился и не стал мучить ни себя, ни других.

Единственный орыс в нашем ауле (обычно говорили тогда: «представитель великого народа») по фамилии Пассажирцев, добродушный, бородатый увалень, с любопытством следил за моими успехами в казахском языке, но время от времени внушал мне, что казахский язык беден. И при этом укоризненно тряс кудлатой бородой. Сам он на русский лад произносил десятка два казахских слов, но был абсолютно уверен в своей правоте. «Почему беден? — возражал я робко. — Ведь в нем столько слов, которых нет в русском языке». Для меня же в ту пору бедными были и немецкий, и русский, и казахский языки, ибо беден был сам. Я пытался что-то объяснить моему бородатому оппоненту, но тщетно. «Нет, не говори, Гера. Бедный язык, — упорствовал дядя Пассажирцев. — Вот у русских есть топор, топорик, топорище, а у казахов «балта» и все». Ввязаться с ним в дискуссию я тогда не мог: мало было аргументов. Да и кто станет дискутировать с пацаном.

* * *

А как ладно-складно, без запинки, образно и афористично говорят (или говорили) простые аульные казахи. Нередко в рифму, речитативом, с аллитерационными фигурами, пересыпая беглую речь пословицами, поговорками, устойчивыми фразеологическими выражениями и сравнениями, образными оборотами, живописно, не «так, тѣк», суконно, топорно, а с намеками, иносказательно. Заслушаешься! Поистине речь шешена-златоуста. Школьником я упоенно повторял отрывок из драмы Габита Мусрепова:

Бір қарамас —
бір қараса,
қыз да көзін ала алмас,
Отпен ойнап,
күйсе өкінбес.
Іші күлсе — көзі жылап,
Қуанышын бір білдірмес
Қыздар-ай!..

Каков, однако, синтаксис! Каков склад речи! Это вам не обыденный воляпюк!
А сколько энергии, ярости, необузданной страсти в речитативах мятежного Махамбета:

Мен — мен едім, мен едім,
Мен Нарында ж.үргенде

Еңіреп жүрген ер едім.
Исатайдың барында
Екі тарлан бөрі едім,
Қай қазақтан кем едім?
Бір қазақпен тең едім.

Какой-то неукротимый поток раскаленных слов. Внутренняя энергия казахского поэтического слова сквозила даже в переводах с русского.
Вот известные строки Тараса Шевченко:

Ой, ты, доля, моя доля,
Никакой не чую.
Если доброй жалко, боже,
Дай хоть злую, злую.

Мне эти стихи кажутся несколько размягченными, смиренными, жалобными. А как они звучат по-казахски в переводе Касыма Аманжолова:

Сыбағам кайда, сыбағам,
Жоқ па, сірә, ешқандай.
Жақсылық менен аясаң,
Жамандық бер, я, Құдай!

Упруго, мускулисто, напористо, дерзко. Есть необъясни-мая магия в казахском речестрое.
Таков склад характерной казахской устной речи.

Сколько таких примеров в казахских сказках, сказах, батырских дастанах, эпических поэмах, драмах на фольклорной основе! Россыпь жемчужин! Европейцу это почти недоступно.

Василий Васильевич Радлов (собственно Фридрих Вильгельм), знаток народной литературы тюркских племен, за восемьдесят лет до того, как я узнал казахов, верно заметил: «Киргизы отличаются от других своих сопле-менников особенной ловкостью в выражениях и заме-чательным красноречием».

В наше время это качество, это свойство казахской устной речи заметно обеднело, потускнело, стерлось. Но мне еще доводилось слушать настоящих виртуозов, мастеров подлинного красноречия, которые грациозно владели риторикой.

Редчайшие образцы шешенской речи (о том речь впереди) мы находим у казахских биев-златоустов. Я однажды сделал попытку передать колорит речестроя бия Айтеке на русском языке. Не могу сказать, что попытка получилась удачной, но намек на подобный речевой строй, думаю, все же есть.

* * *

Строптивный, язвительный старик Сеит-ходжа любит рассказывать мне, любознательному мальцу, сыну лекаря («лөктірдің баласы») разные байки и возбуждает мое любопытство.

«Эй, Кира, а у немцев бывают "пір" — покровители, защитники. Духи животных?»

Нет, мне такое слышать не доводилось. Спрошу у родителей.

«А у орысов?» — допытывается старик, ловко затачивая бруском литовку.

Тоже не слышал.

«А у казахов каждый вид домашнего животного имеет своего покровителя. Пір называется.

Запомни:

Камбар ата — покровитель лошадей.

Ойсыл қара — покровитель верблюдов.

Зеңгі баба — покровитель крупного рогатого скота.

Шопан ата — покровитель овец.»

Рядом с любопытством взирал на нас наглый, драчли-вый, бородатый козел.

«А у коз тоже есть покровитель?»

«Есть, — отвечает Сеит-ходжа. — Покровителя коз зовут Шек-шек ата».

«А у людей покровитель кто?»

«У всех людей покровитель один. Құдай!»

«Так разве? А я думал — Сталин».

«Э, брось, Кира, не пугай меня...»

* * *

Зайра-әже (бабушка) не расстается со своей отполиро-ванной, потемневшей от времени прялкой-юлой (ұршық). Из одного кармана ее выцветшего камзола вечно торчит клок тщательно растеребленной шерсти — то овечьей, то вер-блужьей, из другого высовывается прялка-юла. И в шашале возле очага, и в гостях, и на лужайке перед домом, подстелив под собой шкурку, она кругит-кругит привычным движением свою миниатюрную прялку и тонкая шерстяная пряжа без устали накручивается на нее. Только что прялка была пуста, худа, а через некоторое время глядишь — пузата, округла, и ёже сворачивает, сматывает с нее клубок черной, серой, белой, пегой шерсти. Работает әже, как фокусник, и я зачарованно смотрю на ее ловкие, смуглые пальцы, между которыми вьется-тянется нескончаемая нить. Мой друг, Ойрат, на это священнодействие и не смотрит — привык, а мне любопытно. Прялка у моей мамы совсем другая, она крутит ее ногой, ритмично нажимая на деревянную педаль и вращая большое, как колесо, веретено и обеими руками сворачивая, накручивая на шпиндель нить. Зайра-әже мне объясняет. Оказывается, жүн (шерсть) бывает разных видов:

Жабағы жүн — шерсть весенней стрижки.

Күзем жүн — шерсть осенней стрижки.

Өлі жүн — «мертвая» шерсть, когда животные линяют.

Биязы жүн — тонкая, нежная шерсть.

Ұяң жүн — шерсть без щетинок.

Мамық жүн — мягкая шерсть, пух.

Қылшық жүн ~ грубая, с шерстинками.

* * *

Вот градация, родственные связи поколений.

По-русски (по восходящей): сын — внук — правнук — праправнук, прапраправнук и т.д.

По-немецки: Sohn-Enkel-Urenkel-Ururenkel-Urururenkel usw.

По-казахски: бала — немере — шөбере — шөпшек — немене — туажат — жүрежат (седьмое поколение). Далее жұрағат (с этого поколения можно вступать в брачные отношения); до этого поколения брачные отношения строго возбраняются, ибо ведут к кровосмешению. У казахов — в отличие от многих народов, как европейских, так и азиатских, — это строгий генетический закон, нравствен-ная основа развития и размножения народа. По-научному это называется ЭКЗОГАМИЯ — запрет брачных отноше-ний между членами родового объединения до седьмого поколения. Далее — жекжат, близкие отношения сватов. Затем — жамағат (миряне, общий народ). Не только познавательно, но и поучительно, не так ли? Такой порядок строго регламентирует родственные отношения.

* * *

Внук от сына — немере; внук от дочери — жиен. Городские казахи нередко путают эти понятия, подражая русским: все внуки, немере. С точки зрения казаха это некорректно. Кстати, племянник тоже жиен. Выходит, у внука от дочери и у племянника примерно равный обще-ственно-социальный статус.

* * *

Сухопарый, козлинобородый старик Ергали имел обыкновение собирать аульную малышню и устраивать экзамен. А ну, скажи, как зовут отца? А деда? А прадеда? А прапрадеда?

И так до седьмого колена. Большинство моих сверстни-ков-казахов отвечали без запинки. Экзаменовал Ергали-ата и меня. Я отвечал:

- Отец — Карл. Дед — Фридрих. Прадед — Хайнрих. Далее я не знал. Не знаю и поныне. Ергали-ата снисходи-тельно гладил меня по голове:

— Э, жарайды. Для немца и этого достаточно.

Знание своих предков до седьмого колена для казахов свято. Мой друг Шотаман Уалихан, чингисид, знает своих предков — от Чингисхана до себя — в двадцать три поколения. Конечно, род его знатный, именитый, все

зафиксировано в истории, летописи и в памяти народной. Но вдумайтесь: двадцать три поколения. У русских так глубоко в родословное древо вошел, кажется, один Пушкин. Другой мой знакомец, писатель и журналист, ныне покойный Балгабек Кыдырбекулы уверял меня, что знает своих предков аж до 34 колена. Уму непостижимо! Вот это экскурс в генетические дебри. Но я не удивляюсь: у казахов знание предков — культ.

IV

Көз жетпеген жерге сөз жетеді.

Куда глаза не доходят, туда слова приведут.

Казахская пословица

Своеобразие, богатство казахского языка проявляются иногда даже в казалось бы самых простых, обыденных обстоятельствах.

Возьмем, к примеру, наименования временных отрезков суток. По-русски мы говорим: утро, обед, вечер, ночь.

Можно еще сказать: рассвет, раннее утро, позднее утро (все равно утро); ранний обед, поздний обед (все равно обед); ранний вечер, поздний вечер (все равно вечер). Еще: после полудня, полдник, сутемень, сумерки. Дальше — не сразу и придумашь.

Как же различают время суток казахи? Какие в казахском языке имеются названия для наименования отрезков времени?

Пожалуйста, вдумайтесь:

I. Таң ертең — утро.

а) елең-алаң — предутренние сумерки, перед рассветом. Все еще неопределенно, неясно.

б) құланиек, құлансәрі — когда, начинает светать и уже можно различать очертание предметов.

в) таңсәрі — пора, когда на землю падает свет, но солнце еще не взошло.

г) таң — пора, когда показывается, встает солнце.

II. Сәске — пора, когда солнце всплыло над горизонтом,

а) сиыр сәске — пора, когда солнце поднялось на длину аркана.

б) сәскетүс — примерно около 12 часов дня.

в) ұлы сәске — полдень, перед обедом.

III. Түс — обед.

а) тал түс, талма түс, тапа-тал түс — примерно около часа дня, верхушка дня, пик дня, разомлевший день.

б) шаңқай түс — время дня, когда тень самая короткая, примерно около 2-х часов дня.

IV. Бесін — после полудня, солнце перевалило зенит.

а) ұлы бесін — солнце начинает клониться к закату.

б) кіші бесін — солнце склонилось заметнее.

в) құлама бесін — еще более склонилось.

г) екінді — приближается вечер, солнце совсем уже низко.

д) намаздыгер — солнце готовится к закату, склонилось над своим «гнездом».

V. Ақшам, ымырт — вечер, сумерки.

а) алагеуім — солнце вот-вот зайдет, ранние сумерки.

б) кеугім, кеуім, ымырт — солнце зашло, сгущаются сумерки.

в) кешқұрым, намазшам — время вечерней молитвы.

г) кеш — все окутано сумерками, начало ночи.

VI. Түн — ночь.

а) іңір — пора перед наступлением ночи, природа готовится ко сну.

б) қызыл іңір — начало ночи.

в) жарым түн — полночь.

г) таң қараңғысы — густая мгла, пора перед рассветом, близится рассвет.

Разумеется, это не прихоть номада, не забава кочевника. А потребность, нужда, необходимость. Так тонко и точно чувствовали и определяли время кочевники-скотоводы.

У казахов много праздников и соответствующих ритуалов. Их подробное описание заняло бы слишком много места. Да это и не входит в мою задачу. Сфера моих записок — язык. К тому же праздников и ритуалов много у

всех, без исключения, народов и племен. Однако, отмечу те казахские праздники, которые строго соответствуют временам года.

I. Наурыз — праздник обновления, благоденствия, весны, начала года. В эту пору очищают родники, источники, сажают деревья, совершаются добрые деяния.

II. Қымызмұрындық — праздник лета, проводится в промежутке месяцев мая — июня. Пора доения кобылиц, изготовления кумыса; близкие и дальние родичи приглашают друг друга в гости. Проводятся разные национальные игры, состязания.

III. Мизам (сабан той) — праздник в честь земледельцев и животноводов, праздник урожая.

IV. Соғым басы — праздник зимы. Проводится после выпada снега и наступления холодов. Пора повсеместного забоя скота на зиму. Угощают друг друга убойным мясом. Долгими зимними вечерами акыны, певцы, сказители, музыканты забавляют народ своим искусством. Сочиняются сказы, киссы, дастаны, сказки. Праздник отдохновения.

* * *

По-казахски следует говорить:

«Әйел босанды» — женщина разродилась, «освобо-дилась», разрешилась от бремени.

«Сиыр бұзаулады» — корова отелилась. «Бие құлындады» — кобыла ожеребилась. «Қой қоздады» — овца оягилась, не окотилась, как иногда выражаются неправильно.

* * *

На одну тонкость казахского языка указывает доктор филологии Жумагали Исмагулов. Нельзя говорить: «екінішке орай» (калька русского выражения «к сожале-нию»). Правильно: «екінішке қарай». И неверно говорить: «домбырада ойнайды», надо: «домбыра тартады».

* * *

Много лет назад, на одном из собраний в Союзе писателей Казахстана, Акселеу Сейдимбеков обратил мое внимание на то, какие глаголы употребляют казахи при смене времен года.

Қыс келді. Зима пришла.

Көктем туды. Весна родилась.

Жаз шықты. Лето вышло, наступило.

Күз түсті. Осень упала, свалилась.

Менять глаголы, по мнению Акселеу, неверно, безгра-мотно. И если, случается, говорят «көктем келді» (весна пришла), то это от глухоты к чуткой природе языка: весна не приходит, она рождается, а осень не рождается, а сваливается, обрушивается на голову, падает.

Любопытно, не правда ли?

Иные казахские глаголы однозначно и однословно на русский язык никак не переводятся. Вот, например, широко распространенный глагол «қаңтару». Вот что точно это означает: «привязать поводья к передней луке седла».

Вот и спотыкаешься каждый раз при переводе на русский язык об этом «қаңтару».

* * *

Давным-давно, еще в свои студенческие годы, Абдижа-мил Нурпеисов раздобыл в Книжной палате «Русско-киргизский словарь» проф. М.Машанова, изданный в 1899 году в Оренбурге. Словарь весьма толковый (в смысле: интересный, поучительный). Сразу видно, что проф. Машанов великолепно чувствовал тонкости казахского языка, владел его богатством, умело выстраивал к каждому русскому слову целый синонимический ряд объяснений. Нурпеисов не поленился, переписал из словаря — на свой выбор — несколько сот слов и много лет спустя передал эту изрядно потрепанную тетрадку мне. И теперь я ее нередко листаю с большим восхищением. Машанов приводит слова, которых я в других словарях чаще всего вообще не встречал.

Напролом — бұза-жара.

Напраслина — нақақтан, ақтанақ күйдіру, жала.

Негодник, негодница — мұндар

Задарить — сый-сыя.

Закваска — ашыртқы, ұйтқы, іріткі, қор, қораба.

Костоправ — оташы, сынықшы.

Общество — қауым, жамағат, жұртшылық, халайық.

Ось — белдік, белағаш, кіндік.

Мыслитель — ойшыл, ойгер, білімпаз, білгір, зиялы, оқымысты, ғалым, дана, данышпан, кемеңгер, ақылман.

Құралай — киік лағы, в переносном смысле — ветреное, дождливое время около 10-го мая.

Приварок — көжеқатық.

Полба — борай видай.

Отава — шежік, шиін.

Жәдігәй — притвора, лицедей, ханжа, лицемер.

И т.д.

Обратите внимание на синонимы к каждому слову. В современном языке их не всегда встретишь. То есть, произошло явное сужение, оскудение, обеднение лексики.

* * *

К слову «вид» профессор М. Машанов в своем «Русско-киргизском словаре» приводит следующий синонимический ряд:

түр, кескін, сынық, сымбат, тұрпат, келбет, нобай, нұсқа, көрік, әлпет, шырай, рең, тұлға, ұсқын, айбар, пыс, кейіп, сұрық, ажар, мүсін, пішін, бейне, сын, өң, көрініс. И добавляет: «вот неполный перечень компонентов того синонимического ряда, который соответствует русскому понятию «вид».

Каково?! 25 казахских синонимов к одному «виду» и это еще неполный перечень! И после этого говорят о бедности казахского языка! Привет господину-товарищу Мищенко-Тищенко-Нищенко, которого я помянул в предисловии к циклу заметок!

* * *

Еще одно доказательство о разборчивости казахского языка в классификации периодов человеческой жизни.

Только что родившийся ребенок называется — нәресте,

От одного года до семи лет — сәби,

Девочка между годом и двумя годами — бөпе,

Мальчик такого же возраста — бөбек,

Мальчик в возрасте от двух до трех лет — бүлдіріп,

От трех до пяти лет — балдырған,

От восьми до двенадцати лет — ойын баласы,

От двенадцати до пятнадцати лет — сығыр,

От пятнадцати до шестнадцати лет — ересек бала,

От шестнадцати до девятнадцати лет — бозбала,

От двадцати до тридцати лет — жасжігіт,

Мужчина в возрасте от тридцати до сорока лет —кұржігіт,

От сорока до пятидесяти лет — ер түлегі,

От пятидесяти до шестидесяти лет — жігіт ағасы.

Теперь предлагаю носителям и знатокам других языков подыскать к этим понятиям соответствующие адекватные и аналоги.

У казахов есть единица измерения времени — «бие сауым». Отрезок времени - от дойки до следующей дойки кобылицы. А вот время, от дойки до дойки коровы или козы, обозначения у казахов не имеет. Нет таких понятий, как «сиыр сауым» или «ешкі сауым».

* * *

Богатое, звучное, красивое казахское слово «Айналайын». Сколько в нем оттенков, от умиленной ласки до легкого укора и даже до язвительной насмешки. Бесконечная гамма чувств! Переводят обычно: «милый (ая)»,

«дорогой (ая)», «хороший (ая)» и т.д. Но все это лишь бледная тень мягкого, звучного, нежного «айналайын». Олжас Сулейменов своему известному стихотворению «Айналайын» предпослал объяснение:

«Обращение к дорогому человеку — айналайын.

«Кружусь вокруг тебя» — подстрочный перевод.

«Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» — смысловые переводы».

Поистине: слово одного языка не покрывает слова другого.

V

Сөз қадірін білмеген өз қадірін

білмейді

Кто слов не ценит, сам себя не ценит.

Казахская пословица

Знакомый журналист из Берлина Вольфганг Сабат просит меня привести хоть один пример из казахского языка, который не имел бы аналога в немецком языке. Глаза его победно, испытующе поблескивают из-за стекол очков. Он уверен, что не может быть такого слова у номадов, которому не нашлось бы адекватата в развитых европейских языках.

Я ему рассказываю о деталях юрты, выкладываю слова: кереге, шаңырақ, уық, түндік, туырлық, үзік, басқұр, бақан, уықбау и т.д. — добрая сотня сугубо этно-графических, материально-бытовых понятий. Говорю, что писатель, ученый Акселеу Сейдимбеков посвятил описанию юрты блистательный историко-этнографический очерк, упомянув огромное число специальных терминов. А у историка-этнографа А.С. Муканова есть основательный труд «Казахская юрта». И сколько там юрточных слов-понятий! И ни одно из них не имеет адекватата ни в русском, ни в немецком, ни в других европейских языках. А ведь и юрт бывает несколько: походная (жолама уй), то же — аблайша, еще — қос, шайла, күрке...

Ну, юрта — понятно, — не сдается Вольфганг. — Это нечто типичное для кочевников. Немцы ведь не кочевники. Им юрта не нужна. Ты приведи другой пример.

Ну, возьмем, к примеру, беркута.

Как, как? Беркут? Вас ист дас?

Ну, как бы тебе сказать? Птица, хищник, орел. Адлер.

Ах, зоо? Адлер, альзо! Ну и что?

Подожди. Я еще о юрте не все сказал. К теме «Юрта» можно отнести и различные предметы из войлока, тканые изделия, узорчатые циновки, настенные ковры, вышивки, домашнюю утварь, отделанная резьбой по дереву, инкрустацией костью, росписью и т.д.

- Ладно. С юртой, допустим, ты меня сразил.

Перейдем к адлеру... как ты сказал... к беркуту.

Так вот, начнем с того, что этот самый беркут не встречается ни в четырехтомном академическом «Словарь русского языка», ни в «Русско-немецком словаре». Нет и все! А как воспет беркут в казахском фольклоре!

Сколько его разновидностей! Сколько специальных слов-терминов у беркутчи — охотников с беркутом! Сколько слов для беркута разных возрастов!

И ты это знаешь?

Кое-что знаю. Был в нашем ауле беркутчи — старик Абильмажин. Он нас, аульных шалопаев, просветил. А кое-что вызнал из доклада поэта Кадыра Мырза-Али.

— Интересант! Давай примеры!

Пожалуйста. Годовалый беркут называется у казахов балапан құс. Двухлетний — қан түбүт. Трехлетний — тірнек. Четырехлетний — тас түлек. Пятилетний — мұзбалақ. Шестилетний — көк түбіт. Десятилетний — барқын. Одиннадцатилетний — баршын. Двенадцатилетний — шөгел.

И все казахи знают эти слова? — любопытствует Вольфганг.

Все, наверняка, нет. Но важно, что эти понятия в казахском языке существуют. А в европейских языках их нет.

Придется говорить: «трехлетний адлер», «адлер по пятому году» и т.д.

Но ведь можно привести и обратные примеры, — настаивает германский журналист. — В европейских языках есть, а в казахском — нет.

Конечно, — соглашаюсь я. - В казахском языке нет, например, понятия презерватив. Ну, не пользовались степняки этой штучкой. Приходится прибегнуть к описательному переводу: мешочек для мужского полового

органа.
Мы оба хохочем.

* * *

Угощение у казахов — сложный ритуал. Бесбармак — это не просто гора мяса, дымящегося на подносе-табаке. Так это кажется лишь несведущему человеку.

Приведу отрывок из повести «Купы джиды» Абиша Кекилбаева, попутно указав в скобках казахские названия частей бараньей туши.

«Всеведущие старики, зоркие стражи дедовских обычаев, внушавшие несмысленным мальчикам святость родственных уз с той самой поры, как они научились сидеть на коне и подавать гостям блюдо с мясом, неизменно твердили: «Запомните раз и навсегда: при угощении самому почетному гостю преподносят тазовую кость (по-казахски: жамбас). Затем наиболее ценным считается лопатка (жауырын). Потом следует лучевая кость (кәрі жілік), потом — берцовая кость (тоқпан жілік), потом — асық жілік. Опаленную и сваренную баранью голову (бас) кладут на первый, главный поднос. Курдючное сало {құйрық май} и печень (бауыр) нарезают тонкими ломтями и распределяют по всем подносам. Десять ребрышек {сүбе қабырға} вместе с мясом на них кладут на первые четыре подноса, при этом шесть подкладывают к двум лопаткам, а четыре — к двум берцовым костям. К остальным восьми частям следует добавить по два ребрышка у ключицы (бұғана қабырға). Грудинка (тәстік) полагается зятю, крестец (құйымшақ) — девушке, шейный позвонок (көтен-мойын) — пастуху, требуха (ішек-қарын), почки {бүйрек}, голень {сирақ} — женам, служанкам, детям...»

Выходит, непростая наука у степняков — угощение. А главное — сколько слов, наименований, обозначений!

* * *

Примерно тоже можно сказать и о кумысе. Кумыс — не просто напиток из кобыльего молока. Его готовят по-разному, заквашивают, выдерживают в разных кожаных бурдюках, напиток капризный, привередливый, и видов его не один десяток. Кто интересуется — рекомендую прочесть дивный, лирико-этнографический рассказ «Кумыс» Дукенбая Досжана. Рассказ этот переведен на многие языки мира.

Кумыс надо уметь готовить на все случаи жизни. Надо знать, для кого и чего готовишь: для батыра, для влюбленного или косаря-пастуха. На свадьбу или для поминок. Для утоления жажды или для наслаждения, удовольствия гурманов. Знать, из какого молока, от какой кобылицы.

В рассказе Д. Досжана молодой казах спрашивает у мастерицы-кумысницы:

«А почему вы не доили смирных, старых кобылиц?»

«У старых молоко закисает скорее, и вся сила у такого кумыса наверху, вроде бы в сливках. А кумыс из молока молодых кобылиц обретает настоящий вкус и силу только на третьи сутки. Он и есть самый целебный. Какая кобылица — такой и кумыс. Если от молодой кобылицы — человек словно молодеет».

Готовить кумыс — священнодействие.

«Тихо стало в юрте. Даже молоко в турсуке не булькало. Ак-тате качала турсук на коленях так долго, что, я видел, начала уже задремывать. Потом, очнувшись, приподняла угол текемета-кошмы с узорами, положила турсук на сырую землю, на пожелтевшую редкую траву и тщательно укрыла сверху. Кумыс так и должен был выдерживаться, дозревать — согреваться сверху и охлаждаться земляной сыростью снизу».

А из какой посуды следует пить кумыс? Тоже ритуал.

«Уж так издавна повелось, что разным людям подают кумыс в разной посуде. Простому человеку — в кесе. Случайным гостям, путникам — тоже. Обжорам и торга-шам наливают в большую деревянную чашу — тостақ. Ведь для них главное - залить толстое брюхо. А вот доро-гим друзьям подают в расписанных, средней величины чашах — зеренах. Правда, и зерены бывают разные. Вот этот выточил из урючины и расписал золотом знаменитый мастер Акадиль. Влюбленным предлагают кумыс в изящных көзе — маленьком узкогорлом сосуде с золотыми каемками. Из отделанных серебром көзе пили акыны-певцы, тонколицые щеголи - сері. Батырам и борцам-палуанам обычно подносили кумыс в высоких кувшинах».

Этнография — этнографией, но за каждым этнографическим описанием стоит огромное лексическое богатство.

* * *

Напомню казахские названия оружия и доспехов. Несомненно, поучительный материал, свидетельствующий о лексическом многообразии.

1. Виды кольчуг: бадана, берен, жалаңқат, зере сауыт, көбе, кіреуке, қаттама, торғауыт.
2. Шлемы: бетбейнелі дулыға, көбе дулыға, қаттама дулыға, құрама дулыға, темір қалпақ, темір телпек.
3. Легкие защитные панцири (кежім): бөреңгілі кежім, зере кежім, көбеккежім, қаттама кежім, қияқ кежім.
4. Оружия стрельбы: мылтық (фитильное ружье), садақ (лук).
5. Режущее оружие: алдаспан, қылыш, сапы, семсер.
6. Колющее оружие: найза, сүңгі.
7. Секущее оружие: айбалта, селебе.
8. Бьющее оружие: шоқпар, сойыл.
9. Казахские нагайки: құмшы, дойыр, дырау, дода.

Разумеется, все эти виды имеют русский адекват. И, разумеется, большинство ныне вышли из активного употребления.

* * *

Еще одна национальная особенность. Приведу сцену из романа Жусупбека Аймаутова «Ақбшек»:

«Ну, а где сейчас твой муж?»

«По службе перевелся в другой город. Уже два месяца, как нет от него вестей».

«Детей от него рожала?»

«Был выкидыш. Один ребенок умер по нашей вине».

«Как зовут мужа?»

«Грех ведь. Как скажу?»

«Какой грех, милая? Предрассудки все. Назови смелее!»

«Имя его — то, что надевают на шею коня». «Хомут, что ли?» «Нет, то, что выше». «Дуга?»

«Да, оно самое». «Ну, и наградили имечком!»

Такой вот разговор. А все дело в том, что по стародавнему обычаю казашка не имеет права называть по имени мужа, деверя, свекра. Это неприлично, предосудительно, грешно. Выйдя замуж, казашка вынуждена всех деверей называть описательно, придумывая ласковые, почтительные прозвища. Мужа она называет: «Хозяин этого дома», «человек этого очага» или «отец моего сыночка», «моей доченьки», или еще как-нибудь. Но ни в коем случае по имени.

Правда, сейчас эти правила далеко не столь строги. А в городских условиях и вовсе не соблюдаются.

Многие полагают, что единственный казахский народный инструмент — домбра. Существуют уничижительные строки: «Одна палка - два струна, мұның аты - домбыра» (Сам слышал в Таразе и Шымкенте). Это одна из распространенных глупостей. Музыкальных инструментов у казахов множество: домбыра (много видов — двуструнные, трехструнные, ширококорпусные, двухсторонние, с полым грифом, шинкильдеки), уілдек, сазген, желбуаз, желқобыз, даңғыра, дабыл, дауылпаз, шындауыл, керней, дулыға, дүңгіршек, тоқылдақ, асатаяқ, адырна, шартылдауық, сақпан, сырнай, кепшік, жетіген, бұғышақ, шың, шаңқобыз, ауызсырнай, қамыссырнай. (См. Джанибеков У. «Эхо». С. 248).

Описание старинных музыкальных инструментов можно найти в трудах А. Левшина, Ч. Валиханова, И. Георги, Г. Потанина, С. Рыбакова, Р. Сазонова.

* * *

Истинно казахская речь похожа на причудливые узоры на домотканном ковре. Казах не говорит прямо, плоско, серыми ремарками, однозначно, в лоб, он предпочитает речь эмоционально окрашенную, многослойную, витиеватую. В «Пути Абая» Мухтара Ауэзова читаем: «По старому обычаю аксакалов, отец говорит иносказательно, намеками и кружит над целью своей речи, как ястреб».

Очень тонко подмечено.

Вслушайтесь в экспрессию устной речи героев «Пути Абая»:

"Ел аузына қақпақ болып көрші. Бірақ ол қолыңнан келмейді. Ендеше, не ер бол да, ақта! Немесе илан да жазала! Тек, жарықтығым, дүмбілезінді көрсетпе, былқыл-сылқылыңды аулақ әкет".

Напористо, упруго, энергично.

А в русском переводе это воспроизведено так:

«Попробуй заткнуть рот всему народу! В силах ты сделать это? Так будь решительным до конца: осмелюсь оправдать его. Или оправдай, или осуди! Только, дорогой мой, не топчись на месте!»

Формально, может, и близко. Но нет ритмичности, динамизма, строя речи, характерных для оригинала.

Казах любит, чтобы в речи была «изюминка», некая загадочность.

Проиллюстрирую сказанное примером из сказки об Алдаре-косе. Помните, между ханом и Обманщиком состоялся такой диалог:

«С каких пор холм покрылся снегом?»

«Пожалуй, с четверть века».

«Двумя еще владеете?»

«Владею ныне тремя».

«Как относитесь к дали?»

«Даль мне близка».

«Как относитесь к ближнему?»

«Ближнее мне далеко».

«С сорока возьмете по одной?»

«Если на то будет ваша воля».

«Тогда берите заранее».

«Могу взять и потом. Надеюсь, не обманут, мой повелитель».

Нукеры ничего не поняли из этого разговора и попросили Алдара разъяснить его суть. И Алдар сказал:

«Хан поначалу спросил: «Давно ли холм покрылся снегом?» Это означало: «Давно ли побелела ваша голова?». И я ответил: «Уже четверть века». Потом хан спросил: «Владею ли я двумя?» Означало это: «Крепко ли я стою на двух ногах?» Я сказал: «Владею тремя», то есть, «Хожу с палкой». «Как относитесь к дали?» — спросил хан. Смысл: «Хорошо ли видите издалека?» Я сказал: «Даль мне близка», значит: «Далекое вижу хорошо». Хан поинтересовался: «Как относитесь к ближнему?», то есть, «Как видите вблизи?» Я ответил: «Ближнее мне далеко». Означает: «Вблизи вижу плохо». Хан догадался, что вы все из нашего разговора ничего не поняли и что потом все равно придете ко мне за разъяснением, а потому спросил: «С сорока возьмете по одной?», что означало: «Возьму ли с каждого из сорока нукеров по одной лошади?» Вот и вся разгадка».

Вообще передать подлинный казахский речестрой на других языках крайне сложно. Нередко — невозможно. Это вам не слова перекладывать с языка на язык.

VI

Піл көтермегенді тіл көтереді.

Язык осилит, что и слон не поднимет.

Казахская пословица

Почему-то бытует мнение, будто казахский язык не особенно богат и разборчив в наименовании деревьев, трав, цветов, ягод, то есть флоры, а также животного мира, то есть фауны. Действительно, в художественной казахской прозе (сужу по опыту давнего переводчика) то и дело встречаешь общее наименование — деревья, травы и реже конкретное название конкретного вида деревьев, трав и птиц. Мелькают ағаш, терек, қайың, жиде, тал. Терек и терек. Иногда көк терек, қара терек, қара тал, сәмбі тал, ақ қайың, арша, емен. Зайдет разговор о птичках, так сплошь и рядом торғай: қараторғай, бозторғай и т.д.

И я знаю, у русских и немецких переводчиков это обстоятельство всегда вызывает недоумение. Те к по-добным наименованиям более щепетильны и привыкли называть деревья и травы конкретно по разновидностям. Их раздражают фразы типа: «На холме росло одинокое дерево», или: «На верхушке дерева щебетала птичка», или: «Из камышовых зарослей выскочил какой-то зверь». Сразу возникает вопрос: «Что за дерево? Что за птичка? Какой зверь?»

В том, что иные казахские писатели по части флоры и фауны слабо вооружены, казахский язык не виноват. По этой части казахский язык никак не беднее других. В этом я убедился не однажды за свою многолетнюю переводческую практику. И для облегчения своей работы я завел целую рубрику в своей рабочей тетради, посвященной казахским словам по разной тематике. Приведу из разряда «Травы, деревья» десяток-другой примеров (больше не позволяет размер статьи). Вот некоторые названия ягод:

Қара жидек — черника

Ит бүлдірген — брусника
Көк жидек — голубика
Шырғанақ — облепиха
Бүлдіген — земляника
Мойыл — черемуха
Шие — вишня
Қара өрік — слива
Бөрі қарақат ~ барбарис
Қой бүлдірген — костяника
Қожақат — ежевика
Таңқұрай — малина
Қарақат — смородина
Долана — боярка

Увы, на базаре казахи не всегда прибегают к казахским названиям, а довольствуются чаще всего русскими ана-логами: «Малина бар ма?», «Смородина қанша тұрады?».

Вот казахские названия трав, наиболее часто встре-чающиеся в художественной литературе:

Жусан (полынь),
ермен жусан (чернобыльник),
шайқурай (зверобой),
адыраспан (гармала),
жантақ (верблюжья колючка, иногда: янтақ),
түйе жоңышқа (донник),
жоңышқа (люцерна),
беде (клевер),
ошаган (репей),
құзтабан (лапчатка),
қияқ елең (осока),
көде (пушица дернистая),
еркек (житняк),
бидайық (пырей),
арпабас (костер),
құзылот (костер безостый),
ажырық (прибрежница),
сұлыбас (овсец),
түлкіқұйрық (лисохвост),
құу (ковыль),
селеу (триостница),
құға (рогоз),
көкпек (лебеда),
жыңғыл (тамариск),
құзғалдақ (подснежники),
қурай (бурьян),
бақбақ (одуванчик),
тасшөп (габреч).

С неохотой обрываю перечисление. Продолжать можно еще долго. Мог бы на страницу-другую перечислять казахские названия деревьев.

Слова эти родились не сегодня и не вчера. Они встре-чаются в «Русско-киргизском словаре» проф. М.Машанова (1889) и в «Кратком русско-киргизском дорожнике со словарем» Жумагула Кошербаева (1906, Омск) под редакцией А. С. Алекторова. Вот примеры из того «Дорожника»:

Дерево — ағаш;
сосна — қарағай;

осина, тополь — терек;
ель — шырша;
ива — үйіңгі тал;
липа — жөке ағаш;
куст — шоқы;
орешник — шеттеуін ағау;
черемуха — қара мойыл;
терновик — мойыл;
шиповник — ит мұрын;
сирень — мәйе;
малина — қажақат;
смородина — қарақат;
раkitник — шілік;
плод — жеміс, миуа;
ягода — жидек;
овощ — жеміс;
слива — қара алу;
груша — алмұрт (к слову: мой покойный друг Аскар Сулейменов утверждал, что алмұрт — неверно, правильно: нок);
вишня — шие;
персик — шабдалы;
финик — құрма;
калина — бүргөз;
орех — шеттеуік жаңғақ;
подсолнечное семя — шекілдеуік;
урюк — өрік;
лук — пияз, сарымсақ;
чеснок — жуа;
репа — салқам;
редька — тырна салқам;
картофель — буулдық, бөреңгі;
капуста — керем;
горох — бұршақ;
земляника, клубника — бүлдірген;
клюква — қызыл жидек,
просо — тары;
гречица — қырлық қарамық;
крупа, пшено — тойтары, жарма,
сорочинское пшено — күрішсөк.

Таковы примеры из словаря столетней давности. Признаться, некоторые наименования для меня вновь. Морковь ныне по-казахски именуют – сәбіз (а не кешір); картофель называют просто картоп (а не буулдық, или бөреңгі); капусту называют қарыққабат, капуста, қоян жапырақ (а никак не керем).

И, завершая тему «Растительный мир», хочу привести названия в этой области, употребленные в своем поэтическом творчестве Ильясом Джансугуровым. Названия эти касаются флоры лишь одного Семиречья (Жетысу), воспетого поэтом. Их приводит критик и литературовед Сайдил Талжанов в своем воспоминании об Ильясе Джансугурове. И названия эти красноречиво свидетельствуют о широких познаниях и богатой словесной палитре убиенного классика казахской литературы. Вот эти наименования (предлагаю равнодушному читателю самому подбирать к этим словам соответствующий русский адекват).

Қарағай, тал, донала, ұшқат, шетөн, ырғай, арша, ақсасық, қызыл қайың, барша, шынар, шырғанақ, сөңке, терек, сөгет, емен, үйеңкі, шырғай, балғын, тораңғы, сары ағаш, қойқарақат, жиде, тобылғы, түйеқұйрық, тауқонақ, шәйшөп, маңқа, құлынембес, сүтіген, еңлік, мейіз, киізкіік, ақшалғын, бес, көкемарал, бетеге, раң, жапырақ теңге, бұйра, қисық иық, балдырған, уқорғасын, атқұлақ, желкеуір, шырыш, шытыр, биеемшек, мыңтамыр, жуа рауаш, жаужапырақ, балауса, сорғыш, селдір, ермен, бақбақ сыбызғы, жалбыз, құлмық, қарақияқ, шоқайна, меңдуана,

сора, шақпақ, құрай, шырмауық, кендір, қылша, жыланқияқ, қынжыға, қоға, сасыр, аққой, таусарымсақ, қымыздық, қызсаумалдық, калақай, ойылқияқ, усойқы...

Браво, поэт Ильяс! Я не знаю другого казахского писателя, который так глубоко знал и так щедро воспевал флору родного края.

Жаль, что в 1986 году я не мог опрокинуть на голову самоуверенного эмиссара из ЦК КПСС Мищенко (или Тищенко, Нищенко?), который в душе был расположен к тому, что казахский язык состоит всего из 200 слов.

Неужели он искренне полагал, что грандиозная эпопея «Путь Абая» была написана таким скудным запасом слов? Хотя известно, что словарь «Пути Абая» (не всего Мухтара Ауэзова) составляет 16893 слова.

А вот слова «тюрьма» нет в казахском языке. Нет и все тут! Как-то обходились вольные сыны степей без этого атрибута цивилизации. А когда понадобилось, прибегли к искаженному «түрме». Также приспособили и другие слова: зауыт (завод), тауар (товар), самауыр (самовар), экватр (экватор), кәмпеске (конфискация), пірканшық (приказчик), белесебет (велосипед), каменес (коммунист), аулнай (председатель аульного совета), біргәдір (бригадир) и т. д. и т. п.

Новая эпоха, общественно-социальные катаклизмы принесли в казахский язык огромный поток заимствованных слов. Появилась в них острая нужда, а достойного эквивалента в попытках не нашлось. А время не терпело.

Пришлось использовать иноземный лексический материал, мало-мальски приспособив его фонетически в соответствии с казахской артикуляционной базой. Проиллюстрирую сказанное примерами из произведений казахских прозаиков. У Беимбета Майлина: учитель (много раз), нәшәндік (начальник), көшір (кучер), стражник, пристап, делегат, милиция, пеш, мода, подлог, арыз, презден (президиум), сельсабет, піртекел (протокол), «под сот», машина, закон, уез, пісір (писарь), кәндидәт (кандидат), камсомол (комсомол), шинель, фуражка, солдат, поселке, бөлшебек (большевик), «тыбая — мая, мая — тыбая» («твое — мое, мое — твое»), губерне, үстел (стол), пакет, спесік (список), прабител, бөтелке, жалонжа (жалованье), слабода (свобода), конпеске (конфискация), пірешкі (бричка), телефон, охрана, партизан, кәләуния (колония), бығыбыр (выговор), контра, құлып (клуб)...

Кончаю перечень. В одном только сборнике рассказов и повестей Б. Майлина «Шұғаның белгісі» (1974) я встретил не одну сотню подобных заимствованных слов-реалий жизни в начале XX века.

Подобных заимствований я выписал из однотомника другого классика казахской литературы Жусупбека Аймауытова количеством в 163 слова:

Үшкел (школа), періуатшік (переводчик), нашалнік, кінеге (книга), әтірет (отряд), пәуеске (повозка), ізбес (известь), дияла (дело), өшетіл (учитель), көріс (курс), әпесер (офицер), кемесер (комиссар), ділграм (телеграмма), мелитсе (милиция), субалыш (сволочь), безобразия, арестовайт, жәшейке (ячейка), шорнабай (черновик), самогон, ?ашаба (кошевка), пенжек (пиджак), секрет, декрет, кәтлет (котлета) и т. д.

Помню, учеником начальных классов я впервые наткнулся у Джамбула на стихотворение «Өстепкеде» и не сразу догадался, что это значит: «На выставке».

В пухлом довоенном, очень занимательном романе Сабита Муканова «Жұмбақ жалау» искаженных русских слов встречалось множество.

Но это — примеры из 20-30-х годов прошлого века. В них отразился колорит эпохи, своеобразие казахской речи в момент социального перелома. А вот аналогичные примеры из более близкого времени.

Небольшой рассказ Шерхана Муртазы «Жалаң аяқ от кешу». В нем я встретил такие заимствованные слова:

пәуеске, кожайын, фуражка, гимназист, мама, губернатор, казарма, полицей, крестер, кафедраль собор, түрме, революционер, бандит, камера. (Обратите внимание: заимствованные слова фонетически редко искажаются).

Примеры из повести Саина Муратбекова «Жабайы алма»: жемпір (жемпер), маладес, гормон, монделен (мандолина), скрипка, пахис (фашист), казит (газета), жүншөлкі (шерстяные чулки).

Примеры из повести Мухтара Магауина «Бір атаны» балалары»: калхқоз (колхоз), дүкімет (документ), біргәдір (бригадир), командир (командир).

Заимствования из рассказа Тынымбая Нурмаганбетова «Үшінші класты» жетекшісі»:

педсовет, класс, директор, стол, докладтау, бәтеңке (ботинки), плащ, кереует (кровать), термос, шкаф, газет, совхоз, кадр, коллектив, нейлон, парта, бугалтер, әбизатілні (обязательно), шкүл (школа), костюм, сумка, мәғәзін (магазин), міністір (министр), пәпке (папка), коридор, үнстет (институт), перуай (первый) и т. д., всего 60 слов.

Прошли годы. Казахстан стал суверенной страной. Национальное самосознание перешло в новую стадию своего развития. Заимствования из русского языка (что одно время было модным и даже как-то поощрялось) резко сократились. Писатели, языковеды стали искать и использовать другие ресурсы для обозначения новых реалий жизни. Пошло повальное увлечение словесными новообразованиями. Иногда удачно, иногда — не очень. А случалось — и вовсе ни в какие ворота. Но о том разговор впереди.

Өткен күн оралмас,
құнды сөз жоғалмас.
Прожитый день не вернется,
а мудрое слово останется.
Казахская пословица

Занимаясь не одно десятилетие переводами казахской прозы на русский язык, я, понятно, постоянно сталкивался с определенными трудностями. Всегда не хватало нужных слов при описании, скажем, аульного быта, обычаев и обрядов, реалий и обозначений для раскрытия тем «лошадь», «верблюд», «животный мир», «травы», «исторические понятия». Словарей вечно не хватало, а те, что были под рукой, не всегда оказывались полезными. Словом, все, что было мне нужно, я редко находил в словарях. И я завел для личного пользования разные тематические словарики (своего рода шпаргалки), в которые вносил все необходимые детали и нюансы того или иного казахского понятия. А добывал я этот материал из бесед, случайных разговоров, распросов и чтений художественной и специальной литературы.

Об этом своем излучистом пути расскажу чуть подробнее.

Сколько мне, например, приходилось собирать по крупицам (буквально!) русские слова для одной лишь темы «Лошадь»? Трудно найти в казахской прозе произведения, где не описывалось бы с самых неожиданных сторон это любимое, веками почитаемое степняками благородное животное. Сколько, например, о лошади, о коне, о скакунах, об их стати, красоте, верности, о скачках, о погонях, о походах сказано в казахском фольклоре! В знаменитом абаевском стихотворении, посвященном описанию коня, указаны и воспеты четыре десятка // внешних примет. В моей переводческой практике до поры, до времени удавалось обходиться теми крохами, которые я знал или выудил из разных словарей, из русской прозы, из романов, описывающих казачий быт.

«Холстомер», «Казак» и «Хаджи Мурат» были читаны-перечитаны вдоль и поперек. Но казахские писатели оказались по части описания лошади поистине неистощимы. Сын табунщика Дукенбай Досжан, питающий к тому же слабость к разного рода этнографическим деталям, рассказывал о лошади, о скачках, о сбруе-упряже, обрушивал на голову переводчика такие слова и понятия, о которых я доселе и слыхом не слыхивал.

Потом Абиш Кекилбаев написал повесть, где даже повествование ведется от имени гнедого скакуна. Тут уже и вдохновенные слова, найденные для описания лошади Чингизом Айтматовым в «Прощай, Гульсары!», оказались недостаточным подспорьем. Надо было каким-то образом разузнать, что подкопытная косточка называется по-русски козлон, а пучок волос над копытами лошади — щеткой, что ремень, проходящий под брюхом лошади и скрепляющий стремяна — скошевка, а полоска на местах, где перетягиваются подпруги, — ленник и т.д. и т.п. Потом уже из какого-то дореволюционного немецкого лексикона я почерпнул сведения и о породах лошадей, и о том, что скелет лошади состоит из пятидесяти шести частей-названий, а для характеристики внешней формы коня необходимы сорок два слова, что есть еще десятки и десятки слов для описания масти и стати лошади, стойки, очертания спины, хребта, шеи, крупа, ляжек, ног, добавьте сюда виды аллюра (шаг, рысь, иноходь, галоп, карьер) с их разновидностями и с различными комбинациями, вроде того, что рысь с подсакиванием именуется тропотом, и еще добавьте не один десяток слов-названий разных частей и деталей конской сбруи, а также разные типы лошадиников и их профессий и т.д., и вы поймете, что для раскрытия одной темы «ЛОШАДЬ» необходим внушительный словарь.

Братьям-казахам, однако, и этого оказалось мало: они расширили «лошадиный» словарь еще отдельными понятиями, характеризующими возраст коня. Просто жеребенок — құлын, или — нежнее - құлыншақ; если же жеребенку более шести месяцев, но менее года — жабағы, годовалый жеребенок называется тай (стригун); сосун на втором или третьем году — арда емген; жеребенок по третьему году — құнан; самец-трехлетка — дөнен; кобыла-трехлетка — байтал; лошадь по пятому году — бесті и т.д.

Приведу для любопытства еще ряд казахских слов, относящихся к теме «лошадь»: торы (гнедой), құла (буланый), боз ат (сивый), бурыл ат (чалый), кер ат (мухортый), шабдар (игрений, игренивый), қара ат (вороной), кекіл (челка), құлақ (уши), мойын (шея), жал (челюсть), қабақ (веко), омыртқа (позвонок, шейный столб), жал (грива), желке (затылок), сағак, (изгиб, шея и подбородок), мұрын (нос), ерін (губы), тіс (зубы), қабырға (ребра), жота (хребет), омырау (грудь), төс (грудинка), бақай (бабка, козлон), тұяқ (копыта), сікір (сухожилие), аяқ (ноги), жауырын (лопатки), сауыр (круп), мықын (бок, маклок), құйрық (хвост), қыл (щетина, шерсть), көтендік (зад), ұршық (берцовая кость), сан (ляжки), ума (пах), тірсек (голень), көз (глаз), шаша (щетки), әуке (подгрудок)...

Вынужден остановиться: «лошадиные» слова, наверняка, займут несколько страниц. Мой покойный друг Аскар Сулейменов, большой любитель и знаток лошадей, просмотрев мой «лошадиный» словарики, сделал несколько

карандашных пометок, пояснений в своем оригинальном стиле. Таралғы — крепление стремян; өмілдірік — нагрудник: парыл — хrap; текірек — трот; қаңтару, таң асыру — выстойка; үйір (ру) — косяк; тұлпар — вне конкурса; дүлдүл — конь Азрет-Али; саяқ жылқы — диссидент (мерин, пасущийся особняком).

Справедливости ради следует сказать, что по части лошади и русский язык довольно богат. А вот там, где на страницах казахской прозы величаво возникает вдруг верблюд, у переводчика нередко бессильно опускаются руки. Если многие языки вполне обходятся словами «верблюд», «верблюдица», «верблюжонок», то казахи различают: нар (одногорбый), бура (двугорбый самец-производитель), үлек (породистый верблюд), қаспақ (метис одногорбого самца и двугорбой самки), желбая (верблюд-скакун), жалбай (с горбами в разные стороны), аруана (одногорбая), інген (дойная), атан (холощенный), арван (порода выючных верблюдов), қайыма (первородящая), буыршын (молодой верблюд-самец), бота (верблюжонок), тайлақ (годовалый), азбан (холощенный), тұмса (молодая самка), жампоз (разновидность желбая), майя (приплод аруаны) и др.

В зимнюю пору все верблюды называются — жүнді түйе; в летнюю пору — қара қайыс түйе; в осеннюю пору — боздақты түйе. И верблюжья шерсть бывает трех видов: биязы, жабағы, шуда (остевой волос; длинная шерсть с нижней стороны шеи и на ногах выше колен верблюда). В свой черед и шуда бывает трех видов — желке шуда, тізе шуда, томақшы. И верблюжью шкуру делят на три вида: мойнақ тері, бой тері, жондық тері. Все это я узнал из разных статей, словарей, также из расспросов, когда колесил по Мангышлаку.

С добрым, покладистым верблюдом - я убедился у литераторов вообще сложные отношения. На какие только словесные ухищрения не идут переводчики, как только сталкиваются с верблюдом? У Махамбета Утемисова почти в каждом стихотворении встречаются породистые разновидности этого животного. Вот и читаем в русском переводе:

Не верится,
когда жампоз обычный
Сравняться может с наром-силачом,
Хоть и рожден двугорбым.
Не верится,
что может быть неумной
Совсем не схожей с матерью ни в чем
Дочь аруаны гордой».
(перевод А. Устинова)

Или:

Ведь знают люди,
что ты — ублюдок хилого верблюда.
Коспаком лучше назовись.
(перевод А. Устинова)

У другого переводчика — А.Б.Никольской — нередки такие выражения: «Бурый нар с могучей спиной», «день, когда, по льду скользя, падает крепкий бууршин», «день, когда в стаде бура покрывает атана вдруг», «день, когда бурый нар привязи рвет», «приплод аруаны майей зовут», «на наше дело нужен черный нар, рожденный от улека черный нар», «бег выносливый аруаны», «верблюжонок тощий, больной, как атан ходил по пескам», «гордо ступает сарыатан» и т.д.

Тяжело читается, не так ли? Нелепо звучит, чужеродно. Очень уж неуклюже лезет в поэтическую строку верблюд. Но что делать? Вот и прибегают к сноскам и пояснениям, которые, как известно, всегда отягощают художественный текст.

В русской прозе то и дело встречаются такие выражения: «верблюд кричал», «жалобные молитвы верблюдов», «свирепо вопит», «раздраженно покрикивает», «осадили верблюдицу на подогнутые колени», «пришлось уклады-вать верблюда наземь», «шишь — деревянная заноза, продеваемая в верхние губы верблюда» и т.д. Звучит непривычно, конечно. А все оттого, что не находится дос-тойно-го эквивалента для казахских слов «шөктіру», «боздау», «мұрындық» и др.

Что делать... приходится как-то выкручиваться. Не выкинешь же благородного верблюда из контекста азиатской реальности...

Заклячая разговор о казахских словах, относящихся к животному миру, приведу для убедительности еще несколько слов из этого разряда: ісек — холощенный баран (двухгодовалый); шыбыш — годовалая коза; бұзау —

теленек; орда баспақ — годовалый теленок-сосун; құнан өгіз — бычок по третьему году; денежін — самка-трехлетка; тайынша — годовалый бычок; бағлан — ягненок раннего расплода; құнан атан — верблюд-мерин по третьему году; тайлақ — годовалый верблюжонок.

Примечателен список слов, обозначающий мир зверей и птиц одного лишь Семиреченского региона и упоминаемых в поэзии Ильяса Джансугурова. Приведу этот список из статьи Сайдила Талжанова о поэте:

Сілеусін, ілбіс, аю, бұғы, бұлан, қасқыр, серек, қарақұлақ, шибөрі, қарсақ, сусар, бұлғын, жанат, таутеке, арқар, құлжа, қарақұйрық, марал, тазқара, балтажұтар, ақбас, құмай, жұртша, саржақ, су бүркіті, лашын, тұйғын, тұнжар, тынар, мықи, ителгі, бөрі, қ?рғи, құр, тұрымтай, бидайық, бүркіт, тығанақ, үкі, ақсары, құладың, кара, боз, суық, бұқа, сіпті, шапшақай, майлық, маубас бұ??, шөже, тоқылдақ, сұр құркылтай, бұлбұл, шымшық...
Далеко не всем этим наименованиям я в состоянии подобрать русский адекват. Знаю, что не найду его и в известных или доступных мне словарях. Вполне возможно, что некоторых птиц и зверей из этого списка уже и не встретишь в благословенном Жетысу, а иные, вероятно, числятся в «Красной книге». А слова остались, и свидетельствуют они об океане казахской лексики.

VIII

Сөз сөзден туады, сөйлемесе

кайдан туады?

Слово рождает слово: если

молчать, откуда ему взяться?

Казахская пословица

Огромный пласт казахского лексического богатства — архаизмы, слова, вышедшие из активного употребления. Жизнь течет, времена меняются, и слова — как люди: рождаются, стареют, дряхлеют, забываются, умирают. Последующим поколениям обветшалые слова-понятия уже не нужны. Другая эпоха — другие песни - иные нравы — другие потребности — новый быт. Все естественно. И это характерно для всех языков мира. И порою трудно определить, каких слов больше — активных или пассивных, живых или мертвых.

Казахский язык в этом смысле не исключение. Архаических слов в нем — море. И не надо углубляться в далекие века, в общетюркские времена, достаточно вникнуть в фольклор, в батырские листаны, в религиозные киссы, в любовно-романтические поэмы, в исторические сказы, в творения Бухара-жырау, Дулата, Махамбета, Шернияза, Шортанбая, Суюнбая и многих-многих других предшественников Абая, да и самого Абая; стоит прочесть исторические романы М. Ауэзова, И. Есен-берлина, А. Кекилбаева, М. Магауина, Д. Досжанова, К. Жумадилова, выдающихся писателей начала XX века Ж. Аймаутова, Б. Майлина, И. Джансугурова, и вы убедитесь в неохватном богатстве казахской лексики, незаметно перекочевавшей в разряд архаизмов. Читая выше-названные произведения, а некоторых — переводя на русский язык, я делал для себя в блокнотах, в рабочих тетрадях, на разрозненных клочках бумаги, на полях книг выписки и примечания, которые просто недосуг собрать воедино — получился бы словарь устаревших, редко употребляемых казахских слов. Мне неизвестно, есть ли такой опыт или хотя бы попытка, но убежден: такой словарь был бы весьма целесообразен во всех отношениях. Ведь архаизмы — достояние любой национальной культуры, ее прошлое, ее прочный фундамент. Отметать эти слова за ненадобностью — просто неразумно, кощунственно.

Рискую быть назойливым и скучным, однако не могу удержаться от нескольких конкретных примеров.

Архаизмы из сочинений Бухара жырау (1693-1787): пұсырман (мусульманин), мани (родовитая знать), мамыр (терпение, благоразумие), көрпелдес (краснобай-трепач), морты? (невзрачный, недомерок, малый), кәләм (слово судьбы), һоммәт (вялый, квелый, жалкий), шөншіт (кожаный мешочек для насыбая, кисет), талыс (из бычьей кожи), арсы мен құра (по мусульманскому поверью, небесная сфера состоит из семи слоев; два высших слоя, где решается потусторонняя жизнь усопшего, называются арсы мен күрсі), шадияр (четыре помощника-заместителя пророка Мухаммеда), кебе (кабаба) — обитель Творца.

Архаизмы, встречающиеся у Дулата (1802 -1887): ғақыл (ум, разум, нынешняя форма: ақыл), газиз (в смысле сожаления — қайран), ғафыл (неприметный, незаметный), ғаділ (справедливый, ныне — әділ), ғадет (привычка, ныне — әдет), қиямет (начало потусторонней жизни), жолан (джигит-пришелец, инородец), ғайып ирен қырық шілтен или Баба түкті шашты әзиз — мифические духовники-благодетели, заступники-защитники.

Неупотребляемые ныне слова в творчестве Абая (1845 — 1904): нәпіл (молитва после захода солнца); бергек (покрывало жаулыка женского головного убора); паруардигәр (Бог, Создатель); жықа — (по одной версии подзатыльник, по другой — наверхие богатырского шлема); бадалық (хвастовство); сұхбат (задушевная беседа); өлекшін (самка собаки или хищного зверя); гиззат (уважение, внимание); райыс (наслаждение, улада); мәліш

(мелочь); нәфрәтлі (примерный); серменде (гуляка); қатпа (проповедь); шардақ (беспомощный); бәһра (польза, пример, вклад), бәңгі (тупой, глухой) и т.д., а также множество арабизмов, фарсизмов, религиозных и философских терминов, не зная которых, Абая постигнуть невозможно.

Несколько слов из прозы Жусупбека Аймаутова, значение которых я так и не уяснил, хотя и обращался ко многим знатокам казахского языка: шығу, маңқа, мандам, бұқылама (по контексту, видно, болезни животных); шауқар, бөдес, дүкірт, құнтіыңқы, сұқым, салдаман, тәсібі, нырай, лике, жом, бейуаз, саңқал, ергенек, шайырқал, березе, мауқіл, мәзқар, шажа, мыршым, мүдуар, дәнекүс, мырсын, шүлеңгер и др. Вообще, язык Ж.Ай-маутова поразительно богат, сочен, яростен, живописен, образен. Просто диву даешься! Кажется, М. Горький говорил о Лескове: «Язык знает до фокусов». То же можно сказать и об Аймаутове. Из всех казахских прозаиков, которых мне довелось читать, виртуозно владели родным языком Мухтар Ауэзов, Жусупбек Аймаутов и Ильяс Джансугуров. Бесподобно!

К древним казахским словам питал неизбывную тягу покойный журналист и писатель Балгабек Кыдырбекулы. Во время прогулок возле памятника Чокану он обрушивал на меня старинные казахские слова, испытывая тайную радость оттого, что мне они неведомы. Он мне втолковывал: пәйкел ~ детеныш марала; нұғара — вид охотничьего барабана, обтянутого кожей; шүлеңгер — кузнец, железных дел мастер; күрік — круг, в который вводят лошадь для осмотра; мұрақ — высокий расшитый головной убор казахской знати.

Из разных источников я также узнал, что самка барса называется таутан, барсенек — алан, котенок — мәулен, а древнее название волчицы — қартқа.

Словом, архаизмами, этнографизмами казахский язык исключительно богат. И их круг употребления из года в год все активнее, все стремительнее сужается. Из-за ненужности тысячи и тысячи слов со временем выпадают из сферы употребления. Иногда раньше времени. Все меньше и меньше становится хранителей этих сокровищ. По себе знаю: многие слова, которыми мы, аульные сорванцы, пользовались в наших играх-затях, многие названия аульного быта — утвари, сбруи, ручных поделок, обиходной лексики — мои сверстники ныне и не упомнят. Далеко не все зафиксированы в словарях, в литературе. Несколько подобных слов привел как-то в «Ана тілі» читатель Олжабай Узакбайулы:

Астақта — низкий столик, на котором раскатывают тесто, готовят пищу;

Сыпыра — посуда, в которой хранят остаток муки и дрожжи;

Қамырбұрыш — один из видов дрожжей;

Рапида — специальные рукавицы, употребляемые при выпечке лепешек в раскаленном тандыре;

Шөрек — один из видов хлебного изделия;

Ақсыл — белок;

Кәуір — огненное дыхание раскаленной тандырной печки.

Все это и любопытно, и познавательно, и полезно. Не знаю, кому как, а меня лично казахские архаизмы волнуют, будоражат сознание и память. Хотелось бы поделиться с читателем большим количеством примеров, но надо ведь знать меру и вовремя остановиться.

Стерлись в народной памяти и много специальных слов-терминов. Приведу одну цитату из «Эха» У.

Джанибекова:

«В наши дни, как это ни парадоксально, только отдельные знатоки танцевального фольклора могут назвать и показать такие характерные движения и жесты казахского танца, составляющие его основу, как «саяқ жүріс» (осторожный ход), «сыпайы жүріс» (изящный ход), «қымтыма» (пластика рук), «шынжара» (бегущие волны), «өкше алмасу» (ход с поворотом), «малдас» (приседание), «айналмалы-ауыспалы» (переменный ход с вращением), «өкшелеу» (ход с каблука), «сүйретпе» (скольжение), «сырма» (поземка), «дүлей» (вьюжные закручивания), «зырылдауық» (вихрь), «бұрқасын» (полет метели), «оралу» (наматывание), «ширатпа» (сучение), «бұраңбел» (гибкость талии) и др.» (стр. 269).

* * *

Хочу обратить внимание читателя еще на одну особенность казахского языка: это обилие и выразительность так называемых құс сөз — двойных, парных слов, слов-дуплетов. Без них не обходится ни устная, ни письменная речь. И придают они речи особенный шарм: украшают, обобщают, дополняют, оттеняют основной смысл. Переводить их адекватно на русский язык далеко не всегда удается. При этом второй, дополнительный, элемент слов-дуплетов часто не имеет конкретного значения (или потерял его), он не самостоятелен, но придает основному смыслу обобщающий, расширяющий смысл, ?те-м?те — очень-очень; дос-жаран — примерно: друзья-товарищи; бала-шаға — детки-домочадцы; ілік-шілік — примерно: дела-делишки. Или звукоподражательные қос-

сөз: сарт-сұрт, тарс-тұрс, быт-шыт, дұрс-дұрс, күрс-күрс, арс-арсп т.п.

Разновидностей казахских қос сөз столько, что им следует, пожалуй, посвятить отдельное исследование. Чем богаче язык у художника, тем больше и чаще встречаются у него қос сөз. С помощью слов-дуплетов можно выразить самые сложные философские, абстрактные понятия и раз-ные психологические нюансы. В любом рассказе, в любой статье, в самой заурядной обыденной речи редко кто обходится без қос сөз. Они характеризуют природу казахского языка. Вот, к примеру, я сейчас взял в руки свежий номер «Қазақ әдебиеті» (№ 10/2001) и наткнулся на памфлет Турсынжана Шамая «Как я поздравил акима». В этом небольшом по объему памфлете я насчитал 62 қос сөз: әрі-бері, жылт-жылт, жуып-шайып, ұзын-сонар, үйме-жүйме, кәкір-шүкір, қадір-қасиет, ұсақ-түйек, бет-пішін, ішкен-жеген и т.д. Или вот в статье Аманхана Алима «Еще раз о том же западничестве» («КЭ», 16.03.01): 77 қос сөз.

В русском языке хоть и значительно реже, меньше, но подобные словообразования также встречаются, особенно в сказках, былинах, просторечии. К ним прибегают и писатели. Меня поразило обилие таких слов в романе «Шахта» А. Плетнева: знай-ведай, думай-соображай, раз-мазня-тесто, чувство-знание, цепи-скрепки, тварь-крыса, дурак-дурачина, едва-едва, желоб-рештак, доска-семерка, жива-здоровая и т.д.

Так что, қос сөз — отнюдь не привилегия тюркских языков. И все же русские парные слова, слова-дуплеты по смысловой окраске, по разнообразию, по эмоциональной выразительности не идут ни в какое сравнение с казахски-ми қос сөз.

* * *

Понятно, что в рамках «Записок» я лишен возможности обстоятельно говорить о своеобразиях казахского поэтического языка и поэтических форм. Это увело бы меня в такие специфические, узко профессиональные дебри, из которых читателю было бы мудрено выбраться. Но на одно свойство казахского стихосложения все же обращаю внимание, а именно на богатство рифмы. По многоликости и звучности рифмы казахский язык дает ощутимую фору и русскому, и западноевропейским, и многим другим азиатским языкам. Дело в том, что природа рифм, их качество и содержание в русском и казахском языках совершенно различная. Это и понятно: разность рифм predetermined силлабической и тонической структурами стихосложения. Русская рифма в один ударный слог для казаха звучит скудно, бедно, примитивно.

Казах любит рифму звучную, полнокровную, где созвучны не один слог, а минимум два, а лучше — три, четыре и более слогов. Как у Абая: «ән бе екен» — «сән бе екен». Как у Маяковского: «носки подарены» — «наскипида-ренный». Как в известном трехстишии, пришедшем мне сейчас на память: «Не вы, но Сима, страдала невыносимо, рекой Невы носима». Вот подобная составная рифма звучит совершенно по-казахски. Вот такую игру слов, где слоги в строчках перекликаются, как бубенцы, казах обожает. И Создатель щедро одарил казахский язык риф-мами. Это поистине поэтический язык.

Русский язык на рифмы значительно бедней, на что сетовал в свое время еще Пушкин, высмеивая набившие оскомину рифмы типа: «любовь — кровь — вновь», «младость — радость», или, добавлю я, немецких»: «Herz-Schmerz», «Nur-Natur», «Sonne-Wonne». Казахская поэзия по части рифм — счастливица.

Уместно здесь вспомнить Ильяса Джансугурова. Читая его, чувствуешь: он вскормлен, вспоен казахским вековым фольклором, насыщен дастанным духом, поэтикой нома-дов, и находить рифму в сингармонической стихии казахского стихосложения ему не представляло никакого труда. Он мыслил стихами, рифмы водопадом исторгались из него, и ему — так кажется — приходилось даже обуздывать себя, чтобы не впасть в шешенский (оратор-ский, риторский) раж. Впрочем, это можно сказать о многих выдающихся казахских поэтах. Какие рифмы, какую игру слов и созвучий можно встретить в поэме «Күйші» Ильяса Джансугурова:

«жүгірмейді — күй білмейді — мәуілдейді»;
«дүрілдетіп — дірілдетіп — жір-жүрлетіп»;
«бипындады — құйтындады — сылқылдады»;
«сарқ-бұрқ етті — жарқ-жұрқ етті — сарт-сұрт етті»;
«былқылдаған - ыңқылдаған -сылқылдаған»,

т.е. сплошь и рядом рифмуются по четыре слога. И это вообще характерно для казахской поэзии. Можно найти примеры, где рифмуются по пять-шесть слогов, а то и все строчки традиционного одиннадцатисложника («Витязь в тигровой шкуре» в переводе Х. Абдуллина или поэма «Туркестан» Ж. Абдрашева).

Говоря о природе казахского языка, невозможно пройти мимо этого уникального свойства национальной поэтики.

Жүздің көркі - көз, ауыз көркі - сөз.

Глаза украшают лицо, слово

украшает уста.

Казахская пословица

У каждого народа своя ментальность — своеобразный склад ума, свое мироощущение, миропонимание. Казаху, например, не свойственны точность, четкость в европейском понимании. Он предпочитает речи иносказательные, метафорические, с намеками, с красочными образами, витиеватые. Душа у него широкая, вольная, как степь. Мыслит он космическими категориями. Он с презрением относится к мелочам жизни, к мышиной возне, к муравьиной суете. Он щедр, дорожит днем сегодняшним, почитает предков, уважает традиции. На вопрос: «Сколько у тебя детей?» казах редко ответит точно: «двое, трое». Он скажет: «Э, слава Аллаху, бегают тут пятеро-шестеро». Спросишь: «Сколько километров до следующего аула?», он ответит, почесав затылок: «Э, кто твои километры считал? Кто божью землю мерял?», и скажет: «Иек астында», то есть, «под подбородком». Или: «Два ягнячьих перегона». Или: «Один скак на стригунке». Или: «За время, пока вскипятишь молоко, доедешь». Или: «За время, пока сварешь мясо... пока подоишь кобылицу... верблюдицу...» Если уж совсем рядом, то «на расстоянии крика», «на расстоянии брошенной палки», «на длину аркана». И даже «на расстоянии струйки мочи» («сідік шаптырым»). Если далеко, то «на расстоянии двух-трех ночевок», или «двух-трех-дневного пути». Спросишь возраст, тоже не всегда точно ответит. Скажет, подумав, со значением: «Ододел перевал жизни», «Полпути достиг», «Взобрался на вершину мудрости», «перевалил за шестой десяток», «добрался до возраста Пророка», «уж недалек аул семидесятилетия», «дополз до ледяного пика восьмидесятилетия», «седьмой год седьмого десятка», «до тупика девяностолетия рукой подать» и т.д.

Вообще для казаха говорить прямо, в лоб, без вводных фраз, без слов приличия, так называемых ритуальных фигур, однозначно предосудительно, бестактно. Тот, кто говорит напрямик, в лоб, «ляпает сходу» — человек «русского нрава», «русского характера». В понимании казаха это отнюдь не достоинство.

Есть такое старинное казахское выражение, устойчивое словосочетание — «үйіріңмен үш тоғыз». Буквально это переводится как «С косяком три девятки». Фразу эту говорят, как благожелание, как доброе напутствие. По смыслу: «Да постигнет тебя крупная удача!», «Возвращайся с отменной добычей!». Каждый раз, когда встречалось мне это выражение, я затруднялся его передать по-русски, ибо неясно было его первоначальное значение, его потаенный смысл. Что за косяк? Откуда девятка? Почему три?

Объяснение, наконец, я нашел в этнографическом этюде Акселеу Сейдимбека.

Оказалось, это выражение уходит корнями в глубокую древность, едва ли не в гуннские времена и связано с животноводческой практикой кочевых племен. Издревле считалось, что самцам четырех видов домашних животных - жеребцу, быку, верблюду-буре и барану-кошкар — «полагается» для оптимального размножения и здоровой селекции по девять самок. Самец и девять самок составляют одну «семью», один «үйір», один «косяк». Отсюда определялись и разные степени награды, поощрения, т.е. один «үйір» во главе с самцом-верблюдом, или девять коров с бугаем, или девять овец-маток с бараном-производителем. Это было одновременно и мерилom штрафа, наказания за какую-нибудь провинность. Плата за жизнь человека («құн») определялась до «девяти девяток», т.е. до девяти «үйір», «косяков» по девять (с самцом десять) голов скота.

Вот что означает формула удачи или добычи — «үйіріңмен үш тоғыз» — с косяком три девятки.

Малоизвестные слова в романе А.Нурпеисова «Последний долг», которым я так и не нашел русского адекват при переводе:

аласат лаң, жұмбаздап, тағдыр кесігі, үзір көбейіп, жабдан біреудей, айбықадамданып, тұғыжым, мартудай, беренауыз, күпсер бойы, жетішкі әйел.

Смысл в контексте мне понятен, но точного перевода этих слов на русский пока не нашел.

Известно, что число семь у казахов (как и у многих других народов) относится к священному, магическому.

Этнограф и писатель Сеит Кенжеахметулы обыгрывает это число, конкретизируя разные этноэтические понятия, связанные с этим числом. Вот его примеры:

Жеті шәріп (Семь святых мест или предметов)

1. Мекке
2. Медина
3. Бұхара
4. Шам
5. Қатым
6. Құддыс (Мысыр)
7. Кәләм (Құран)

Жеті ру (Семь родов Младшего жуза)

1. Кердері
2. Тілеу
3. Жағалбайлы
4. Рамадан
5. Табын
6. Тама
7. Керейіт

Жеті казын (Семь благ, богатств)

1. Ер жігіт (Храбрый джигит)
2. Сұлу әйел (Красивая женщина)
3. Ақыл, білім (Үм, образование)
4. Жүйрік ат (Быстрая лошадь)
5. Қыран бұркіт (Сокол-беркут)
6. Берен мылтық (Охотничье ружье)
7. Жүйрік тазы (Гончий пес)

Жеті жұт (Семь бед)

1. Құрғақшылық (Засуха)
2. Жұт (Бескормица, падеж скота)
3. Өрт (Пожар)
4. Оба (Холера)
5. Соғыс (война)
6. Топан су (Потоп, наводнение)
7. Зілзала (Землетрясение)

Жеті су (Семь рек, Семиречье).

1. Іле
2. Қаратал
3. Ақсу
4. Көксу
5. Басқан
6. Лепсі
7. Сәrk, ант

Жеті ғалам (Семь частей Света):

1. Шығыс (Восток)
2. Батыс (Запад)
3. Оңтүстік (Юг)

4. Солтүстік (Север)
5. Аспан (Небесная — высшая — часть света)
6. Жер (Земля, срединная часть света)
7. Жерасты (Подземье, нижняя часть света)

Жеті жетім (Семь сирот):

1. Тыңдамаған сөз (Невостребованное слово)
2. Қиюсыз без (Несшитые лоскуты бязи)
3. Иесіз жер (Обезлюдевшая земля)
4. Басшысы жоқ ел (Народ без предводителя)
5. Аққу-қазсыз көл (Озеро без пернатых)
6. Жерінен айырылған ер (Храбрый муж, лишенный родины)
7. Замандасы қалмаған (Старец, лишившийся сверстников)

Жеті тозақ (Семь кругов ада):

1. Жаһаннам
2. Иази (Ләзи)
3. Жахин
4. Хатма
5. Саир(сағир)
6. Сахр (сықыр)
7. Һауия (Хауиа)

Жеті қат жер (Семь сфер подземелья)

1. Тұңғиық (Пучина)
2. Жылан (Гадюшник)
3. Су (Вода)
4. Қос балық (Две чудища-рыбы)
5. Қара тас (Черный камень)
6. Көк өгіз (Сивый вол)
7. Жер (Земля, твердь)

Жеті қат көк (Семь небесных тел)

1. Ай (луна)
2. Күн (солнце)
3. Шолпан (Сириус)
4. Есекқырған (Меркурий)
5. Қызылжұлдыз (Марс)
6. Сатурн
7. Мүштәри{ Юпитер)

Жеті күн (Семь дней недели):

А)

1. Дүйсенбі (понедельник)
2. Сейсенбі (вторник)
3. Сәрсенбі (среда, день удачи, везения)
4. Бейсенбі (четверг)
5. Жұма (пятница, священный день)
6. Сенбі (суббота)
7. Жексенбі (воскресенье)

Б)

1. Бүгін (сегодня)
2. Ертең (завтра)
3. Бүрсікүні (послезавтра)
4. Арғы күн (после послезавтра)
5. Ауыр күн (тяжелый день)
6. Соңғы күн (последний день)
7. Азына (скорбный день)

* * *

Несколько историзмов:

Абыз - мулла, писарь и советник при ханах, султанах и родоправителях; грамотный человек.

Азиям — верхняя одежда широкого покроя.

Аталық - дядька знатных казахов, воспитатель ханских детей.

Бек — бей, князь, феодальный владетель.

Көш - стоянка, стан.

Тархан — титул, пожалование которого освобождало от налогов.

Төре — господин, знатный феодал; чингисид.

Ұлыс - владение, удел.

Предметы, изготавливаемые из обработанной кожи:

ішік, тымақ, тайжақы, тоң, шалбар, бөстек, шоншік, талыс, саба, торсык, тұлып, көнек, малақай, қолғап, тулақ, сыпыра, дастарқан, өң, терлік, өт, тоқым, тебінгі, ішпек, төсеніш.

Изделия из сыромятной тесьмы:

Таралғы, тебінгі, жүген, ноқта, айыл, құйысқан, өмілдірік, шідер, тұсамыс, тағабау, шеттік, канжыға, тізгін, шылбыр, шалма, арқан, таспа, көрік, сірі, сірге, түйме, тұтка, тоқым, адырна, көк, ұлтан, құлақбау, шілия, божы, оймық, қамшы, бишік.

* * *

Казахское «көк» (как цвет) означает и серый, и сивый, и голубой, и — иногда — даже зеленый («көк шөп»).

У немцев тоже голубой и синий цвета обозначаются одним словом — blau.

* * *

Вот слова, которые понемногу внедряются в современный казахский язык:

Дәлелдеме — аргумент

Дәйектеме — обоснование

Үеж — мотив

Үеждеме — мотивация

Тәлімгер — наставник

Тағылымдама — стажировка

Бәсіре стипендия — именная стипендия

Еншілес компания - дочерняя компания

Сары басылым — желтая пресса

Не помню, кто автор этих нововведений, но в них, на мой взгляд, есть и смысл, и форма.

* * *

Коктебель... Этимология этого слова просматривается ясно: «Көк төбелі ел» - «Страна (край) голубых холмов».

Поэтично!

* * *

Некоторые казахские пословицы переводятся на русский язык буквально, точь-в-точь, и при этом сохраняют свою смысловую и эстетическую значимость. Вот несколько примеров:

Коварство одной женщины — груз сорока ослов. Кто сорок бед вытерпел, тот и сорок первую вытерпит. Чего нет,

того и на скакуне не достичь. Яловая корова много мычит. Благодаря рису и сорняк воду пьет. Беркут состарится —мышковать начнет.

Впрочем, таких примеров много во всех языках.

Х

Тауып сөйлесе" — күміссі",

таппай сөйлесе" — мыссы".

Уместное слово — серебро,

неуместное — медь.

Казахская поговорка

Мои записки о казахском слове были бы слишком неполны без упоминания структуры и особенностей шешенской (ораторской) речи, фразеологизмов, пословиц и поговорок. Постараюсь дать, конечно, очень общие, краткие сведения об этих свойствах казахского речестроя.

Говоря о шешенской речи, нужно еще раз подчеркнуть особенное, культовое отношение номадов к Слову — отточенному, ассоциативному, яркому, афористичному, ритмизованному, хлесткому, метафоричному, организованному по канонам высокой риторики. Казах-кочевник воспитывался веками на культивированном, поэтическом слове, оно вошло в его кровь и плоть, он знал цену ему, неизменно восторгался (восторгается) словом самобытным, незатертым, с подтекстом и намеками, уместным, попадающим точно в цель, сражающим наповал, вдохновляющим на подвиги, запоминающимся, как наскальная надпись.

Словесные поэтические ристалища, состязания — айтысы предполагают не только умение говорить в рифму, красноречиво, но и ощущение тонкого чувства меры, когда участники не просто «переговаривают», «перебалтывают» друг друга, а по достоинству ценят меткость, яркость и выразительность истинного слова и вовремя останавливаются, умолкают, признав преимущество соперника.

Такова общепризнанная культура, таков общепризнанный статус высокой шешенской речи подлинных златоустов-биев.

Впечатление от словесного состязания поэтов-шешенов хорошо передал ссыльный поляк Адольф Янушкевич: «Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда не слышали о Демосфене и Цицероне, а сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами... Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может оставаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в казахские пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые смотрят на него сверху вниз, как высшие касты Индостана на несчастных париев». (А.Янушкевич. «Дневники и письма из путе-шествия по казахским степям». А., 1966. С. 71). Образцы шешенской речи мы встречаем в казахском фольклоре, в заповеданных потомкам мудрых сентенциях прославленных биев трех жузов — Толе, Казыбека и Айтеке, в драмах М. Ауэзова и Г. Мусрепова, в исторических повествованиях многих казахских прозаиков. Элементы, россыпи шешенской речи сохранились и в устных, импровизированных выступлениях иных современных общественных деятелей, звучат они порой с политических трибун, из уст деятелей культуры, во время дастарханных словоизлияний и задушевных разговоров. Увы, шешенская речь осталась в прошлом, в той поре народного сознания, когда Слово было единственным и главным богатством казахов.

Перекладывать на иные языки шешенский строй речи в полном смысле невозможно. Можно только попытаться дать намек, передать тень, воспроизвести «изнанку ковра». Для иллюстрации этого утверждения приведу отрывок из речи Айтеке би. Сначала в оригинале, потом — в моем посильном изложении по-русски.

"Пәлі жөн-ақ сөз! Ендеше, мен атадан балаға қалар мұрадан бастайын сөзімді. Бата — құранның анасы. Айтады ердің данасы. Атадан бота қалмасын, бата қалсын. Ботаның құны — бір-ақ жұт, батаның құны — мәңгі құт.

"Жаңбырмен жер көгереді, батамен ер көгереді " деп отыратын баяғының данагөйлері... Адамға тәттінің жақыны — туыс. Туысыңмен әуелде туыспау керек, туысқан екенсің, сөз қуыспау керек. Туысыңнан кетіссең, басың азаяр, құрмет тұтып, сыйлаһсан, қасың азаяр.

Ағайынмен той-тойлас, саудаласпа, жауыңмен саудалас, той-тойласпа ".

Прошу обратить внимание на строй речи, на ритм и метрику, на рифмы («анасы — данасы», «бота — бата», «құт — жұт», «жер — ер», «жуыспау керек — қуыспау керек», «басың азаяр — қасың азаяр»), на параллелизмы («той-тойлас — саудалас», «саудаласпа — той-тойласпа!»), на внутреннюю динамику.

В русском переводе все эти элементы, рифмы, игра слов безнадежно блекнут, исчезают, умирают. «Уах, истинная правда!.. Коль так — начну со слов, заповеданных предками. Благословение — милость. А милость — мать всего сущего. Сердцевина священного Корана. Сказано мудрецами: не табуны отцовские благо потомкам, а истинное благо — милость предков, переданная в наследство. Один лишь джут, бескормица-зима — и нет табуна. А благословение предков — неиссякаемая казна. Как весенний ливень степь обновляет, так благословение старших жигита вдохновляет. Близкий сородич — сердцу услада. Не всякого к сердцу своему подпускай, а уж коль породнился - кривотолков избегай. С сородичем поссорился - накличешь беду, не давайте повода злорадствовать врагу. Не торгуйся с родичем, торг устраивай с врагом, с собратями пируй, гуляй, с врагом держись особняком». Тот же Айтеке би рассуждает так: «А всем на свете верховодит, все в единый смысл сводит — ум. Мудрости краса подобна озеру прозрачному. Глупость - что тучи в день ненастный. Слово, сказанное глупцу, вода, ушедшая в песок. Слово, обращенное к умному, что стяг в руке народа. Красота взор ублажает, ум народ объединяет. Уменье наслаждаться красотой и восхищаться достоинством - признак ума. Внимать мудрым речам - удел благородства. Назойливые нравоучения оскомину набивают. Лживые наставления народ с толку сбивают. Ум питает сердце, облагораживает душу. Ум - надежная опора, верный спутник твой, однако не кичись и не умничай перед толпой. Быть умным - красота. Казаться умным — уродство. Здоровая плоть, свободный ум, чистые помыслы воплощение счастья в жизни. Но нередко бывает, что все горести-напасти обрушиваются на достойного, а везенье-счастье достается ничтожному... На все воля Создателя, а человек слаб...»

И еще один пример:

«Нет такого человека, который желал бы себе зла. А коли желаешь добра себе — не делай худа другим! Нет большего греха, чем злорадство и враждолюбие. Там, где царит добро, в душах людских мед разливается, там, где расплеснулось зло, кровь проливается».

А вот как говорит Айтеке би о правде: «Не свяжешь нити без узла, без правды - речь твоя пуста. И обезьяну слушай, коль правду говорит. С правдой в бой иди без оглядки, коль дружить решил — раскрой объятия».

Надеюсь, эти примеры дают некоторое представление о форме и содержании шешенской речи. Такие сентенции, мудрые высказывания, ораторские приемы мы находим в изобилии и у Толе-би, и у Казыбек-би, и у многих других известных биев.

* * *

Известно, что в фразеологизмах отражается образность, затаенный дух живого языка. Именно фразеологизмы оживляют речь, придают ей особый шарм, то, что ласкает слух и что Абай называл «красотой речений».

Фразеологизмы имеются в каждом языке. «Немецко-русский фразеологический словарь» Л.З. Биновича и Н.Н. Гришина содержит 14 тысяч фразеологических единиц. Во «Фразеологический словарь казахского языка» (акад. С.Кенесбаева), вышедший в 1977 г., вошло более 10 тысяч фразеологических образований.

Каждый язык отражает сугубо индивидуальные мироощущение, мировосприятие, духоустройство. Нейтральные идиомы, общие для нескольких языков, — редкость. Русские утверждают: у лжи короткие ноги. Точно так же выражаются и немцы: "Lügen haben kurze Beine". И казахи в таком случае пользуются почти тем же фразеологизмом: «Өтіріктің құйрығы бір-ақ тұтам».

Казахские фразеологизмы самобытны, образны. О человеке жадном, ненасытном, о хапуге казахи, например, говорят: «Проглотит верблюда с шерстью, кобылу с вьюком». Это, согласитесь, сильнее и образней, чем русская «ненасытная утроба». Попробуй, угадай, что это значит, если казах о ком-то говорит, что он «один день кобыла, один день верблюд». А это адекватно русскому «семь пятниц на неделе». Буквальный перевод казахского выражения «Жезекше» — «медный каблучок». Несколько лет назад в центре Алматы появилась ненадолго обувная мастерская под этим названием, пока незадачливому хозяину не объяснили, что «жезекше» по-казахски просто-напросто «проститутка». Там, где русский говорит: «врет, глазом не моргнет», казахи выражаются: «ақсақты тыңдай, өтірікті шындай қылады», то есть, «сделает хромого здоровым, ложь — правдой». Если по-русски говорят: «Не семи пядей во лбу», то казах прибегает к форме: «Не с небес он спустился». О беременной женщине принято по-русски говорить: «в положении», казахи в таком случае употребляют выражение «аяғы ауыр» - букв.: «у нее ноги тяжелые». Буквальный перевод фразеологизмов из одного языка на другой, как правило, создает комический эффект. Помните расхожую фразу: «Я вижу солнце на твоей спине», означающую по смыслу: «Я живу благодаря тебе». Сопоставление фразеологизмов в разных языках, подыскивание наиболее точных аналогов — поучительное, познавательное и увлекательное занятие. Гиви Гачечиладзе в книге «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» (СП, 1980) приводит одну грузинскую пословицу и ее

эквиваленты в разных языках:

«Благослови брод, выйдя из него» (груз.)

«Не говори «гоп», пока не перескочишь» (русск.)

«Не свисти, пока не вышел из леса» (англ.) «Не празднуй победы без боя» (франц.)

«Не хвали дня, пока не наступит ночь» (нем.)

«Не говори «четыре», пока орех не в мешке» (итальянск.)

«Не кончил дела, не хвастай» (испанск.)

Опытные переводчики с казахского нередко прибегают к калькам, смело вклинивая их в русский текст, тем самым передавая аромат казахской прозы. Вот как это, например, сделал Иван Щеголихин, озвучивая фразеологизмы в повести Дукенбая Досжана:

«Если ветер покачнет верблюда, то козу ищи в небе».

«Слова подталкивают слова, а мысль подталкивает мысль».

«Душа у него висит на кончике носа».

«У кого руки шевелятся, у того и рот шевелится».

«Наступать на хвост спящей змеи».

«Узор чаши со временем стирается, но достоинства ее остаются».

«Барыпкел умеет жирные слова говорить». «Не смогли сварить общий казан с директором». Хотя и скалькировано, а все по-русски понятно.

В 1988 году в издательстве «Мектеп» вышел «Казахско-русский фразеологический словарь» Х. Кожаметовой, Р. Жайсаковой и Ш. Кожаметовой. Словарь содержит более 2300 фразеологических единиц и их вариантов.

Труд, достойный внимания. Приведу из него несколько примеров, дающих представление об образности казахских фразеологизмов:

Ақ түйенің қарыны жарылу — букв.: брюху белого верблюда быть распоротым — по смыслу: пир горой.

Ақшы алтыға, ойы онға бөліну — букв.: ум делится на шесть частей, а думы — на десять. По смыслу: голова идет кругом.

Бүйректен сирақ шығару — букв.: почку превратить в голень. Смысл: вкривь и вкось.

Ертеңгі құйрықтан бүгінгі өкпе артық — букв.: лучше иметь сегодня легкие, чем надеяться на завтрашний курдюк. По смыслу: лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Өз қотырын өзі қасу — букв.: каждый сам свою болячку чешет. Смысл: сам по себе.

Талағының биті бар — букв.: у него в селезенке есть вошь. Смысл: деловитый, энергичный.

* * *

Ну, а пословицами, поговорками казахский язык исклю-чительно богат. Их народ накопил чудовищное количество на все случаи жизни. При этом нередко бывает, что посло-вицы противоречат друг другу, что свидетельствует о диалектическом мышлении. Поражает и тематическое разнообразие казахских поговорок и пословиц. Утебай Турманжанов, например, в своем однотомнике «Пословицы и поговорки казахского народа» (А., 1980) классифицировал их на тридцать тем: «О Родине», «Об единстве», «О храбрости и трусости», «О народе», «Об одиночестве», «О человеке», «О доме, семье», «О языке», «О родителях», «О времени», «О богатстве и бедности» и т.д.

Еще школьником я прилежно собирал казахские посло-вицы. Но потом понял: в мире пословиц можно утонуть. Да и разных сборников пословиц выходило немало. А Музафар Алимбаев не только собирал народные пословицы, но и сам сочинял их в огромном количестве (острословы-шутники называют их музафаризмами, по аналогии с афоризмами) и переводил, искусно рифмуя, из других языков.

Последняя новинка, попавшаяся мне на глаза, — «Казахские пословицы и поговорки на казахском и русском языках», собранные журналистом Мадатом Аккозиным (А., 2001). Он разделил пословицы на пятьдесят тем и перевел их параллельно на русский язык, стремясь это делать адекватно по форме и по содержанию, что, разумеется, очень не просто: ведь помимо лапидарности, упругости необходимо передать игру слов, рифму, синтаксические параллелизмы, аллитерации, созвучие гласных и согласных и прочие тонкости. Понятно, что при этом случаются и удачи, и огрехи. Но речь сейчас не об этом. Я приведу несколько примеров из этой, несомненно, полезной книги, дабы подчеркнуть своеобразие казахских пословиц.

Көл толқыса — жар құлайды, көп толқыса — хан құлайды.

Озеро разбушуется — берега размоет, народ подни-мется—хана свергнет. (Смысл и ритмический строй пословицы переданы точно, но исчезло созвучие: көл — көп, жар — хан).

Елдің күші — селдің күші.

Сила народная могуча, как селевой поток. (Смысл — да, верен. Но исчезли рифма и лапидарность).

Білмегенді білдірмесең, білгіндігің бар болсын.

Что толку от твоих знаний, если не можешь незнающих вразумить. (Может быть по смыслу близко, но звукопись, аллитерация, столь свойственная структуре казахских пословиц, исчезли, оттого и форма передачи хромает).

Қылыштың міндеті — кесу, колдың міндеті - шешу.

Долг сабли — рубить, долг руки — ее остановить. (Не совсем так, но приемлемо).

Бәле қуған бәлеге жолығады, жала қуған жалаға жолытады.

Кто ищет беду — беду накличет, кто ищет ссору — ссору накличет. (Пожалуй, хорошо).

Переводить пословицы адекватно, т.е. сохраняя смысл и форму, — крайне трудно. Зачастую — невозможно. Чем-то приходится жертвовать: или смыслом, или формой. И то, и другое - искажение.

Приведу пример из, так сказать, личной практики. Однажды в переводной редакции издательства несколько джигитов мудрили над переводом казахской пословицы: «Қара арғымақ арыса, қарға адым жер мұң болар».

Смысл: «Когда черный скакун отощает, ему и расстояние в вороний шаг печалью станет». Но как это передать точнее и более складно, упруго по форме? Ерлан предложил: «Загнанному вороному вороний шажок верстой покажется». Совсем неплохо. И смысл сохранен, и фонетический рисунок воспроизведен (ар, ар, ар — вор, вор, вор). Бахытжан предложил свой вариант: «Одряхлевшему вороному в тягость расстояние в вороний шаг». Тоже приемлемо. Мы долго переключивали пословицу и так, и сяк. В конце-концов получилось: «Одряхлел вороной — вороний шаг верстой покажется». Вроде бы прилично. Вероятно, можно сделать еще лучше.

XI

Келді жел қозғайды, ойды сөз қозғайды.

Ветер озеро приводит в движение,

слово —мысль.

Казахская поговорка

С обретением независимости в Казахстане началась, можно сказать, тотальная борьба с варваризмами в языке. Вдруг обнаружилось, что родной язык ужасающе засорен заемными словами — интернациональной лексикой и руссизмами. Это оскорбляло национальное чувство, унижало язык, уроняло его престиж. И без того ограниченная сфера употребления казахского языка сужалась на глазах до уродства, до пародии. И главное — это было просто несправедливо. Исконное богатство казахского языка, его исключительные возможности в словотворчестве, в словообразовании нарочито обеднялись. Варваризмы мозоли-ли глаза, как сорная трава на неухоженном поле, и оскорбляли слух, как фальшивая нота в мелодичной песне. Заемные слова, сплошь и рядом употребляемые как в устной, так и в письменной речи, типа — коллектив, самолет, колхоз, творчество, салют, зоопарк, юбилей, космонавт, пенсионер, сумка, медсестра и сотни подобных варваризмов, стали набивать оскомину, вызывали откровенную неприязнь, аллер-гию, их стали вытравливать из речи, им стали повсюду и активно подыскивать сугубо чистый казахский аналог. В ход пошли древние, забытые слова, арабизмы, тюркизмы, фарсизмы, неологизмы, искусственные образования—порою весьма удачные, порою сомнительные, спорные, порою неуклюжие, анекдотичные, подозрительные, откровенно экспериментальные. Какие-то новообразования прижились в живом языке сразу же, другие «прописались» временно, третьи отвергались сходу, как слова-ублюдки, чуждые природе языка. Об этом и поговорим подробнее на конкретных примерах.

Для начала приведу несколько слов, введенных в казахский обиход литератором, переводчиком Ислямом Жарылгаповым. Он является автором не одной сотни неологизмов.

Балмұздақ — мороженое (бал — мед, мұздақ - ледок: «медок - ледок». Сравни узбекское: «мұзқоймоқ» — мұз — лед, қоймоқ — тугие сливки); аялдама — остановка; шеберхана — мастерская; сүреткер — художник; саяжай — дача; аққайнар — шампанское (ақ — белое, қайнар — кипящее, бурлящее); теледидар — телевидение; басылым издание; қазанама — некролог (қаза — смерть, утрата); азагүл — венок (аза — скорбь, гүл — цветок); балабацша — детский сад; оқырман — читатель; көрермен — зритель.

Слова эти образованы естественно, убедительно, путем слияния двух корневых слов или корневого слова с исконным казахским суффиксом. Именно потому, должно быть, слова эти легко прижились, прочно вошли в лексику современного устного и письменного казахского языка. А ведь каких-нибудь сорок-пятьдесят лет тому назад этих слов — даже страшно представить — вообще не существовало.

А вот слова-неологизмы Хайдоллы Тлемисова, которые, однако, не прижились в языке, хотя тоже кажутся оригинальными:

Әуегер — космонавт (әуе — воздух, гер — суффикс, определяющий причастность к чему-то, к какой-нибудь профессии. По-русски как бы «воздухист», если бы так можно было сказать).

Бейдауа — рак (болезнь) — («бей» — отрицательный префикс, дауа — снадобье. Как бы: «без снадобья», т.е. «неизлечимое»).

Басжалбыр — капуста (бас — голова, жалбыр — кудлатый).

Қызанақ — помидор; сүр жер — пар (земля); дәмдеуіш — специи.

Балұя — пчелиная семья (бал — мед, ұя — гнездо); теңгерім — баланс; дыбысхана — фонотека; баспагер — издатель (баспа — издательство, гер — суффикс — «издающий»).

Придуманно, кажется, совсем неплохо, хотя искусственность и бьет в глаза. Может, потому из этого разряда неологизмов и прижилось только баспагер.

В обогащении современного казахского языка новыми словами в духе времени посылно приложили руку многие казахские писатели.

С. Сейфуллин, к примеру, назвал цирк — атойын үйі (букв. «дом, в котором показывают лошадиные игры»); И.

Джансугуров адекватно слова «демонстрация» употребил думан жүріс (думан — шумный праздник, торжество, жүріс — ходьба, шествие. Букв.: «торжественное шествие»); а рельс назвал - табантемір (табан - подошва, основа, темір — железо. Букв.: «железная подошва»); вместо «этикетка» Г. Мусрепов употребил құлақша қағаз — букв:

«ушки-бумажка»; У.М. Магауина будильник — оятар («будящий»); А. Кекилбаев Снегурочку назвал — қар ханшайым («снежная барышня»); О. Сарсенбаев — глазок (в дверях) — тесіккөз (тесік — дырка, көз — глаза); А. Нысаналин — эпигон — дәлдүріш (этимология мне неясна); Ж. Бектуров — некролог — мұнақып (не знаю, откуда он взял). Таких примеров можно найти у большинства казахских литераторов, но все подобные неологизмы остались авторскими, индивидуальными.

Для понятия «паспорт» «неологисты» придумали казахский аналог «төлтұмар» (төл — основной, главный, исходный, тұмар — талисман, оберег), төлқұжат (құжат — документ, «основной документ»), төлайғақ, (айғақ, — свидетельство, «главное свидетельство»). Но в массе своем народ продолжает говорить: паспорт. Удобнее и понятнее. Да и правильнее, пожалуй.

Вместо «класс» стали говорить «сынып» (искаженное фарси «синф»), вместо «процент» — пайыз (то ли тюркское, то ли арабское заимствование). Для «капуста» придумали еще «арамжапырак» (поганый лист) и «кырык,к,абат» (сорок слоев).

Зуд словообразования одно время был очень силен. «Выдумщики» предлагали в разных газетах целые серии неологизмов. Находились охотники заменить всю интернациональную лексику. Все это подавалось как акт очищения от ненавистой иностранщины, как возмездие постылому «имперскому» языку. В газете «Ана тілі» была рубрика «Сөз сандық» («Кладезь слов»). Там часто печатались подобные предложения. Приведу примеры из одного номера (№ 40/1992):

Территория — уалаят <тюркск. вেলাйет)

Провинция — аймақ,

Поселок — қаржа

Область - дуан

Урбанизация — кенттену (кент — узб. город)

Программа — низам

Газета — жариядат

Конфронтация - шептесу

Дислокация — жайғасу

Прогресс — алағаят

Мэр — уәли

Семья — жаран (есть варианты: «жанұя» — «гнездо душ», отбасы - «члены очага»).

Директор — мүдір

Публицистика — ғақлия

Минерал — арасан.

Я выписал лишь часть аналогичных проектов. Их было много. Прошло десять лет, но ни одно из этих предложений не внедрилось в жизнь. Ибо, на мой взгляд, теоретически сам посыл неверен. Любой ценой подыскивать аналог интернациональной лексики — нонсенс. Ну, в самом деле, зачем непременно подыскивать казахский эквивалент, скажем, стюардессе, революции, гимну, гимназии, компьютеру и т.д., если эти слова употребляются в данном значении во всем мире? Куда еще ни шло, если к подобным нововведениям прибегают в качестве пробы, эксперимента писатели в художественном тексте, но навязывать такие неологизмы, которые часто ни уму, ни сердцу, в форме обязательных терминов — это напоминает языковые потуги славянофилов в русском обществе XIX века.

* * *

Желающих любой ценой придумать казахский аналог спецтерминам и интернациональной лексики одно время было пруд пруди. В этих реформах посильно участвовали не только доморожденные знатоки, но и зарубежные представители казахской диаспоры. Так, студент Бабакумар Кинатулы из Улаан-Баатора (именно так пишется столица Монголии) опубликовал в «Қазақ әдебиеті» свои варианты-предложения:

Радиус — шара; конверт — хаттыс («письмо + обложка»); аппарат — құрылғы (т. е. образование, составляющее); компас — бағдарлы — «направитель»; медик — медицинашы; физик — физикашы; химик — химикашы; биолог — биологияшы; (т.е. человек, занимающийся физикой, химией, медициной, биологией и т.д. по аналогии с трактор — трактор, тракторист — тракторшы); энциклопедия — мағлұтнама («сборник сведений, фак-тов»); ресторан — сыйхана («место угощений»); рельс — шойынсырык, («чугунные жерди»).

Кандидат химических наук Даулет Кияшев предлагал следующие адекватные:

Белок — ақ зат (букв.: белое вещество).

Экстракт — қайнақ (образование от «қайнау» — кипение; осадок, остающийся после кипения, выварок).

Таблетка — түйме дақ («пуговица» + «пятно»).

Ампула — тұйық түтік («замкнутая трубочка»).

Драже — қапташа («оболочка», «обертка»).

Технолог — жасалымгер («делатель»).

Пилюля — допшылар («мячики»).

Стоит ли говорить о том, что ни одно из этих предложений не вошло в живой язык.

* * *

Давний знакомый математик Угубай возмущенно втолковывал мне: «Зачем переводить «функцию» (бернеме), «клетку» (ағза) «хлорофил», «презерватив»?! Ведь не было этих слов-понятий в казахском языке! Не было! Так зачем же мудрить, голову пудрить себе и другим?! Ведь русский язык вбирает в себе слова-термины из всех языков мира и ничуть от этого не страдает, не комплексует! Так и казахи должны поступать. Не так ли?» В чем-то, полагаю, седой математик прав.

* * *

Подобные словообразования напоминают мне этнографизмы у Юрия Рытхэу. Для языка чукчей он предлагал: Баня — дом с горячей водой. Карандаш — пачкающая палочка. Вилка — маленькая острога. Часы — стукалка, похожая на глаз. Граммофон — замерзшее эхо. Письмо — следы речи на бумаге. Грамота — записанный разговор.

* * *

Возможности словообразования в казахском языке поразительны и беспредельны. И по этой части казахи неистощимы. Все это, разумеется, свидетельствует о богатстве и жизнестойкости казахского языка. Природная расположенность языка к словотворчеству открывает живому языку необозримые перспективы, и именно такая особенность речестроя позволяет ему достойно воспроизводить на родном языке все великие творения писателей мира — Гомера, Данте, Шекспира, Гете, Толстого, Достоевского, Теккерея. Нет такой художественной, философской мысли, которую нельзя было бы адекватно передать средствами казахского языка. Знатоки

казахского языка, которым я верю, не однажды доказывали мне, что по-казахски очень естественно звучат и Кант, и Гегель.

Казахский язык удивительно расположен и к разным филологическим, лингвистическим играм. Когда я учительствовал в школе (как давно это было!), в методических целях я вовлекал учащихся в увлекательные игры: придумывать, как можно больше, односложных слов на определенные буквы, или, наоборот, составить самые длинные слова. Помню, самым длинным казахским словом получилось: қанағаттандыраалмағандықтарыңыздан, составленное по всем законам агглютинативных языков, т.е. посредством нанизывания на корневое слово бесконечное число разновидных суффиксов. По смыслу это слово-сороконожка означает: «из-за вашего неумения удовлетворить».

И еще была такая игра: взять одну букву и, присоединив к ней гласное или согласное, придумать как можно больше слов, имеющих смысл и значение. Скажем, буква «У». Получалось: у (яд), су (вода), бу (пар), ту (знамя), ту (яловая, ту бие), қу (хитрый, хитрец), қу (сухой), ру (род), гу (гул, шум), ау (сеть), жу (императив: мой!), зу (мгновенный звук), ну (заросли). Или: «Т» — ат (лошадь), ат (императив: стреляй!), от (огонь), ет (мясо, а также императив: сделай!), ит (собака), үт (солнечный лучик, пробивающийся сквозь щель в юрту), ұт (императив: выиграй!), өт (желчный пузырь), өт (сквозняк), өт (императив: проходи!). Или ряд словообразований из трех букв: так, (трон), тоқ (сытый), тұқ (дробный стук), түк (шерсть, пух), тұр (встань, стоит), тұл (одинок), төл (плод, основной, коренной, изначальный), тек (вылей!), тіл (язык), тік (прямой), тіс (зуб), түс (окраска, цвет), түс (направление, сторона), тас (камень), там (плоскокрыший дом), тым (чересчур, излишне), тең (равно), тоң (наледь, мерзлота), тон (шуба), том (толстая книга), тер (пот), тал (ива), тек (только, а также: происхождение, гены), түр (вид), тес (пробей!), төс (грудь, грудинка), төр (почетное место), тор (сеть, силок), тар (тесно, узко). Кто больше?..

Или односложные слова на букву «Б»: бал, бол, біл, бұл, бөл, бел, бұқ, бык, бақ, бок, бас, бәс, бар, бор, бұр, бүр, бір, бек и т.д.

Очень увлекательная, заразительная и поучительная игра. Учащиеся были неугомонны на выдумки и заметно обогащали свой словарный запас.

XII

Отыз тістен шыққан сөз
отыз рулы елге тарайды.

Слово из-за тридцати зубов выходит
и до тридцати племен доходит.

Казахская пословица

До сих пор речь шла, главным образом, о самом казахском слове, о его природе, структуре, словарном богатстве и особенностях. Разумеется, я указал лишь некоторые его грани.

Теперь, думаю, необходимо поговорить о современном состоянии казахского языка. И эта наша беседа, к большому сожалению, окажется окутанной туманом тревоги.

Приведу несколько цитат.

«Казахский язык, благодаря «мудрой» языковой политике, на грани исчезновения. Нет толковых ресурсов на казахском языке ни в традиционных медиа, ни в Интернете. Казахоязычная пресса, ТВ и радио, кроме нытья по поводу непопулярности языка у «русскоязычных» казахов, жизнеописаний батыров, биев (как правило, родственников пишущих, акимов...), проблем выделки кож и валяния кошм, ничего не могут предложить, особенно молодому читателю (зрителю), слушателю, которого интересуют Интернет, шоу-бизнес, высокие технологии, международные финансы и т.п.»

(«Мегаполис», 28.03.01)

«... идею более широкого внедрения и развития казахского языка поддерживаю. Но при условии, что это не будет насильственной мерой. Государство должно оказывать максимально возможную финансовую поддержку любым разумным проектам его развития. И ни в коем случае не пытаюсь зажать другие языки».

(Там же)

А вот что говорит заместитель председателя президиума Всемирной ассоциации казахов писатель Калдарбек Найманбаев:

«Казахи сейчас живут в сорока трех странах мира... У всех живущих за рубежом свои проблемы. У российских, к примеру, главная беда — язык: молодые люди до 20 лет совершенно не знают родного языка. Дети узбекских

казахов, которые вернулись на историческую родину, не могут никуда поступить учиться: там они обучались в школах, которые перешли на латинский алфавит. В Каракалпакии живет 350 тысяч. Недавно оттуда приезжала делегация стариков. Они плакали: «Если нас не заберут оттуда, мы вынуждены будем незаконно перейти границу». Положение там страшное: не говоря о том, что нет возможности заниматься хлопководством и рисоводством, там нет даже питьевой воды.

В Китае, где очень много казахов, вопросами национальной политики занимаются на очень высоком уровне... При всем при этом у тамошних казахов нет будущего. Через 40-50 лет два миллиона наших соотечественников растворятся среди полуторамиллиардного коренного населения. Европейские казахи, чтобы сохраниться, вынуждены жить в своем закрытом, похожем на остров мире».

(«Казахстанская правда», 29 марта 2001 г.)

Таковы некоторые болевые точки проблемы.

Живя в атмосфере казахского языка, как устного, так и литературного, вот уже шесть десятилетий, я все же не позволю себе судить о нынешнем его состоянии однозначно. Нередко приходится читать в «Қазақ әдебиеті», «Ана тілі», «Алтын орда», «Туркестан», «Жас алаш», «Жас қазақ үні» и многих других казахских газетах отравленные горем и отчаянием статьи о тотальном упадке казахского языка, о катастрофическом сужении его сферы употребления, о потере его достоинства и чести, о пренебрежении к нему эшелонов власти, о нерадивости «козкуманов» и «манкуртов», напроць отлученных от национальных корней, о нарочитом разрушении исконной природы родного языка, о разрушительном влиянии имперского поветрия в сознании иных граждан и т.д. и т.п. Этот «а-ляу-ляй», похожий на вселенский плач, слышится постоянно вот уже лет десять-пятнадцать. Более приглушенно он звучал и раньше. И признаемся: не без основания. Все вышеперечисленные мотивы имели (и имеют) место.

С другой стороны, бесспорно и то, что со времени обретения страной независимости, казахскому языку повсеместно, сверху донизу, сплошь и рядом, систематически и последовательно, наступательно, шаг за шагом уделяется все больше и больше внимания, ему придали статус государственного, о его болях и тревогах говорят повсюду во всеуслышание, сфера его влияния расширяется, общественная функция укрепляется, на нем говорят (или стараются говорить) все больше и больше, его осваивают большие слои населения, он становится предметом любви и обожания, он обретает функциональную мощь, у него все меньше и меньше не-доброжелателей, он звучит все чаще и больше в школах, вузах, на радио и телевидении, на хорошем уровне выходят сотни казахских газет и журналов, а сколько издано в последние годы словарей, учебников, разговорников, пособий, словом, невозможно закрывать глаза на все эти очевидные благие тенденции, или, как выражаются казахи, не годится обтирать рот сухой травой, то есть при-бедняться, и я, как немножко человек со стороны по своему этническому происхождению, вижу этот процесс совершенно явственно и определенно. И все равно тревога о судьбе языка и нынешнем его состоянии остается, неизменно присутствует, и просто отмахнуться от нее никак нельзя.

Язык (любой!) всегда нечто большее, чем средство общения, орудие коммуникации. Верно говорят, что язык душа народа. Язык — мировоззрение, миропонимание, духоустройство человека, племени, нации, народа. Его ментальность. Вот почему народы так болезненно, с таким катастрофическим ощущением теряют родной язык. Генрих Манн: «За свободу борются словом и мечом. Но удару меча борцов за свободу всегда предшествовала рана, нанесенная словом».

Казахские пословицы: «Алмазный клинок на войне товарищ, доброе слово и на войне и на пиру товарищ».

«Первое из искусств — слово».

«Слово валит верблюда в котел, а джигита в могилу».

Конечно, человек продолжает жить и после утраты родного языка; для общения с подобными себе он может прибегнуть к другим — даже не менее выразительным и богатым средствам. Но, лишившись родного языка, он теряет нечто значительно большее, чем средство общения, он теряет свои истоки, свою личностную субстанцию, свою изначальную суть, свое лицо, свою душу, которая если и не совсем утрачивается, улетучивается, испаряется, исчезает, то, по крайней мере, сильно деформируется, облачается в иную оболочку, обретает иную форму. Можно, конечно, существовать в языковом инобытии (мало ли на свете людей, у которых язык и этническое происхождение не соответствуют?), но это в сущности жизнь на чужбине, тягостное ощущение неприкаянности, угнетенное состояние чужеродности, душевного разлада. Вероятно, настанут времена, когда все люди на земле вынуждены будут чувствовать себя чужаками среди чужих, все будут чувствовать себя подшибленными, несчастными, как звери в зоопарке. Судя по всему, к этому идет. Языковеды пред-рекают именно этот неизбежный путь. И вряд ли от такого пути человечество будет счастливо в подобной языковой

унификации.

Языки, как и цивилизации, страны, государства, общества и люди, в свой роковой срок исчезают, отмирают, уходят. Инерция отмирания, как мы видим, убыстряется с каждым годом. Знатоки утверждают, что в наши дни человечество говорит на 5651 языке и диалекте. Одна лишь Индия пользуется 845 языками диалектами. Камерун — всего 10 млн. населения, а разговаривают на 262 языках. Сколько было языков и наречий на территории бывшего Советского Союза и сколько осталось ныне? Сколько из них существуют еле-еле душа в теле? Страшно пред-ставить! А рок, настигший быка, настигнет и теленка. И наоборот.

Вячеслав Иванов, крупный авторитет в области культурологии и языков, утверждает: «Из шести тысяч языков, на которых говорят на Земле, в будущем веке останется всего шесть сотен: катастрофа не меньше, чем экологическая...» («ЛГ», П.09.1996).

Будущий век, о котором говорит ученый, это XXI век.

Приходилось читать, что лет эдак через сто вообще останется всего языков пятнадцать. Утешаюсь тем, что я лично до этого скудного времени не доживу.

Поэтому надо воздать должное тем выдающимся, всяким национальным писателям, которые совершили подвиг, зафиксировав в своем творчестве язык своего народа, как главное его богатство, как символ, как пароль, как его живую душу. Потомки при всем старании могут и не сберечь это богатство в живом органическом действии или, точнее, действительности, но по крайней мере они обязаны стремиться к тому, чтобы сохранить это богатство как бесценный экспонат былой культуры. На худой конец, и это какое-никакое утешение на тропе тотального забвения.

Тема столь грустная, скорбная, что я вынужден сделать поневоле паузу и переключиться ненадолго на более радужный предмет разговора.

* * *

Несколько голых фактов для размышлений: Считается, что в английском языке примерно 240 тысяч корневых слов.

Словарь Шекспира составляет 15 тысяч слов. Байрона—15 тысяч. Маяковского—около того. Пушкин употребил 21197 слов. Науаи — 26 тысяч. Ленин—31 тысячу.

Мухтар Ауэзов только в «Пути Абая» использовал 16893 слова.

Четыре тома «Словаря» Даля вместили 200 тысяч слов, бесконечное количество поговорок, толкований. Над своим «Словарем» Даль работал 53 года.

В самом большом словаре — академическом 17-томном Словаре современного русского литературного языка зарегистрировано и объяснено 120 тысяч 488 слов. А узкоспециальных терминов, обозначающих особенности производства, науки, культуры и других областей человеческой деятельности, насчитываются миллионы, и сосчитать их хотя бы с относительной точностью невозможно. (См. Ф. Филин, «ЛГ» от 16.04.1975).

В тридцати четырех выпусках «Словаря говоров» оказалось больше 300 тысяч слов (а это еще лишь часть) — см. «ЛГ» N 10/2001.

В подготовленном в 1936-38 годах Садриддином Айни «Толковом словаре таджикского языка» содержится 15 тысяч слов.

В 1953 году, когда готовили к изданию первый однотомник казахского толкового словаря, в фонде (картотеке) Академии наук Казахской ССР, насчитывалось 180 тысяч слов, а уже в 1972 году эта картотека состояла из 2 миллионов 550 тысяч слов (Картотека казахских слов берет свое начало с 1937 г.).

В 70-х годах был издан 10-томник казахского толкового словаря. Ныне планируется его 15-томное издание. Поистине титанический труд и монблан слов! Сокровище!

* * *

Одно лишь слово «ас» (белый), оказывается, имеет в казахском языке 130 значений.

* * *

В уже упомянутом выше словаре профессора М.Машанова, изданном более ста лет назад, вы не встретите объяснений типа «вид орла», «вид травы» или «семейство куликовых». Там все переведено точно: стрепет - безгелдек, кречет - сұңқар, сокол — лашын, кобчик — жағалтай, тұйғын, гриф — күшіген, чибис — кызғыш, пигалица — торғақ. Словарь при этом разъясняет: ворона и ворон не одно и то же. Ворона — шауқарға, ворон — кұзғын қарға. А вот в «Русско-казахском словаре», изданном казахской Академией наук девяносто лет спустя,

ворон и ворона даже по родовым признакам не отличаются — оба оказываются мужского рода.

* * *

Вообще у меня такое ощущение, что нынешние словари в чем-то уступают старинным, дореволюционным словарям. Когда-то, находясь в аспирантуре, я занимался изучением старых учебников, программ русских туземных школ, мектебов и гимназий, методических пособий, трудов методистов-просветителей, и должен признаться, что в них я обнаруживал больше шарма, живости, души, искренней заинтересованности и предприимчивости, нежели в нынешних изданиях. Ей-ей, в тех изданиях при всей очевидной примитивности заключалась некая магия высокого просветительства и познания.

Не знаю, может, это заблуждение...

XIII

Сөз шынды табар.

Слово найдет правду.

Казахская поговорка

Давно замечаю: скудеют национальные языки. Это главная забота всех (без исключения!) национальных культурных центров. В иных, бывших республиках СССР, даже статус государственного не спасает язык. Писатели, языковеды — все бьют в колокола тревоги. Вот известная актриса Ада Роговцева пишет в «Известиях» (11.10. 2000): «В Киеве украинского языка тоже нет, здесь пользуются суррогатом, «суржиком».

С грустью констатирую: нередко «суржиком», суррогатом пользуются вместо полнокровного казахского языка и у нас. И это одно из печальных явлений нашего времени.

Когда-то казахский язык был чист, промыт незамутненной родниковой водой. Теперь его загрязнили, засорили, и он прямо-таки на глазах лишается былой прозрачности, духовности, благородства и силы.

Ныне сплошь и рядом безобразно портится казахская речь. Особенно в быту, в повседневном общении. Общество к русско-казахской мешанине привыкает, не всегда замечает, как уродуются языки. Языки пре-вращаются в воляпюк, в «шара-бара», в «шәлдүр-шүлдір», в жаргон примитивной коммуникации. Корреспондент «Азаттық» расспрашивает казахов на базаре о повышении цен. И торговцы говорят:

«Только үш-төрт сом қостық. И все».

«Ия, шумиха болды».

«Бағаны көтерген жоқпыз, потому что ешкім алмайды». Госчиновники из высшего эшелона и некоторые депутаты отечественного Парламента строят свои предложения так: «Мен ойлаймын, что положение жаман болмайды, өйткені бағытымыз реальный». Или: «Производство көтеріліп келе жатыр и мені» убеждением айтады, что аллаға шүкір с колен тұрамыз деп».

Чуждый казахскому языку синтаксис. Абракадабра! Қойыртпа?!

По утверждению авторитетного писателя, в нашем Парламенте только семнадцать человек в состоянии мало-мальски изложить свои мысли на родном языке.

Поневоле задумаешься.

* * *

Вот типичный разговор, записанный в больнице с натуры:

«Мынау нағыз уйықтайтын погода екен».

«Иә, бірде қар, то дождь».

«Ау, телефондары" не работает қой».

«Бүгін целый день снег жауад деген».

«Снег па, дождь ба?»

«Снег деп айтты».

«Холод болады деп айтты ма?»

«Холод бола қоймас. Временами деді ғой».

«Саулеша, анау үшінші палатадағы старушкаға укол салды" ба?»

«Жоқ, ол пока система алып жатыр».

«Сахарға анализ тапсырып па еді?»

«Кеше сдавать еткен».

«Онда хорошо».

Такая манера разговора вошла в плоть. Многие того и не замечают.

«Ата, ребаксин саламыз».

«Давай, айналайын, сала ғой».

«Обязательно!»

«Мейлің, положено болса?»

«Конечно, положено, ата».

«Онда вперед. Светті жақ. Ой, больно!»

«Айттым ғой, «болучий» деп».

«Болучийің колючий болды».

* * *

Да, что есть, то есть. При всем отчаянном старании части национальных интеллигентов интерес к родному языку, скажем мягко, на недостаточной высоте. И не только в Казахстане. О том печалются везде. В 90-х годах в Белоруссии был такой государственный деятель — Дементей. Родным языком он владел едва-едва. На открытии сессии Верховного Совета республики его попросили говорить по-белорусски. Он сказал: «Добрэ» и заговорил на такой тарабарщине, что все лежали. Тогда-то и родился анекдот. «Как называется человек, который владеет многими языками?» Ученики отвечают: «Поли-глот». «А как называется человек, который не владеет ни одним языком?» Дети задумались, а один мальчик встал и сказал: «Дементей».

А сколько таких дементеев в нашем правительстве, в депутатском корпусе, в окружении Президента?! И пока таких дементеев большинство, о каком развитии и популярности казахского языка может идти речь?! В самом деле! И покуда по этой части не будет крутых перемен, государственный язык так и рискует остаться декоративным, бутафорским. Понятно, что в одночасье перелома не добиться, но и десятилетиями ждать его весьма рискованно: поезд может уйти в современном динамичном мире.

* * *

Тревога о неудовлетворительном состоянии родных языков звучит во всем мире. Все языки оказались замутненными, засоренными варваризмами, размытыми чужеродными элементами, лишенными первоизданного вида и природной окраски. Сравните современный русский язык с тем языком, на котором создана блистательная русская литература «золотого» и «серебряного» веков. Небо и земля! Современный русский язык — чудовищная мешанина акцентов всех народов и племен, воляпюк, ералаш, уродливая тень, «феня», жаргон. Носители подлинной, высокой культуры русской речи вымерли (или вымирают), как мастодонты.

Если бы воскрес в один прекрасный день Иоганн Вольфганг фон Гете, он мало что бы понял в современной немецкой речи. Сплошной молодежный сленг и адская смесь англицизмов и американизмов. Англичане жалуются на засилие «блэк-инглиш». Франция приняла закон о защите родной речи. За принятие такого закона все решительнее ратуют и в Германии. Необходимость такого закона горячо подтверждает Ассоциация немецкого языка и президент страны Иоханнес Рау. Могу засвидетельствовать: в иных германских городах ныне и порядочной немецкой речи не услышишь, а в глазах рябит от американизмов в рекламе и СМИ.

Одно время я следил за руссизмами в казахском, узбекском, киргизском, татарском, башкирском языках.

Половодье! Кошмар! Происходит тотальное огрубление, деформация, деградация языков. И явление обретает зловещий глобальный оттенок.

На этом фоне тревога казахской общественности по поводу нынешнего состояния родного языка вызывает понимание и сочувствие. Если уж великие языки, на которых изъясняются миллионы, обеспокоенно бьют тревогу, то каково локальным языкам, очутившимся на неблагоприятных по всем параметрам островах?..

* * *

О тревожном состоянии современного казахского языка казахские газеты интенсивно пишут из номера в номер. Пока я работал над этими заметками, я насчитал в газетах не один десяток статей, в которых поднимаются насущные вопросы государственного языка. Обнародована «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы». Читаешь эту программу — вроде бы все прекрасно, научно, толково, все предусмотрено, комар носа не подточит. Однако, кажется, что этот серьезный документ больше декларированный и к реальной жизни имеет лишь весьма приблизительное, косвенное отношение. Программа

— благое намерение, а реальная жизнь диктует иные законы. И до этой Программы было принято немало программ, концепций, законов, заявлений, постановлений (к иным и я, грешный, приложил руку), однако, к сожалению, толк от них был невелик.

Журналист в «Алтын орде» констатирует: «Вот и новую программу, рассчитанную на десять лет, по развитию языка опубликовали, 3 миллиарда тенге выделено на нее... Хотелось бы надеяться, что спустя десять лет на почетном месте окажется все-таки казахский, а не иной язык».

«Мегаполис» (№ 10/ 2001) вопрошает: «Но готов ли казахский язык в нынешнем своем состоянии охватить все фундаментальные сферы жизнедеятельности человека и общества, производства и государства?» Газета подчеркивает основные мотивы «языковых» статей: «проблема размыва казахского начала, казахскости и рецептов остановки разрушительного процесса».

Писатель Куандык Туменбай в блистательном эссе, опубликованном в «Жас алаш» (№ 32/2001), с надрывом пишет: «Нужны ли вообще нашим властям «мамбеты», говорящие на казахском языке?»

Радиостанция «Азаттық» откровенно намекает на то, что немалые бюджетные деньги, выделяемые на развитие казахского языка, на самом деле становятся легкой добычей окоязыковых проходимцев и ловкачей.

Журналист Казне Тогузбаев беспощадно критикует «Государственную программу функционирования и развития языков на 2001-2010 годы», обнаруживая в ней «самую настоящую эклектику, то есть мешанину идеализма с самым грубым и примитивным материализмом».

Он пишет: «Налицо националистически окрашенное политическое подстрекательство». «Язык есть все! — думают сегодня национально озабоченные идеологи и политики, а также те, кто кормится за счет языка или с его помощью оттирает «своего» соплеменника от корыта, а «несвоего» как бы даже положено ударить клыком, «...кажется, что казахский народ нужен разработчикам языковой Программы лишь в качестве подопытного кролика, а самому казахскому народу, наоборот, подобные и разработчики, и Программа вовсе не нужны» («Мегаполис», № 9/2001).

Писатель Смагул Елубай подчеркивает, что его коллеги по радиостанции «Азаттық», как правило, говорят на трех-пяти языках, но гордятся они не этим, а тем, что свободно изъясняются на родном («материнском») языке. А огорчен, встревожен он тем, что, по последним данным, в Казахстане 440 тысяч казахских семей (около 2 млн. казахов!) совершенно не владеют родным (государственным) языком. Таких «новых казахов», которые горланят по-русски, пугая местных жителей, он встречает толпами и на улицах Праги. В таких «казахах» писатель видит огромную опасность для национального будущего.

Я очертил лишь некоторые мотивы неизбежной тревоги за судьбу родного языка.

И факты эти, как говорится, имеют место. Но утешает меня уже то, что передовая, чуткая сердцем и душой казахская интеллигенция не желает мириться с печальным положением родного языка, бьет в даулпазы-барабаны, будит честь и достоинство, ар-намыс единокровников, а не проявляет пораженческие тенденции, не равнодушничает. Это вселяет надежду.

* * *

О том, что делается в области развития казахского языка, очень емко сказал бывший министр культуры, информации и общественного согласия А. Сарсенбаев в одном из своих интервью: «Что касается академической грамматики казахского языка, то ее основы разработаны еще в 50-е годы. Сегодня этот многолетний труд, к которому были привлечены многие научные и педагогические институты страны, обретает свое конкретное воплощение. Работа уже завершена: и книга объемом в 130 печатных листов, думаю, уже во втором квартале попадет к читателям. Кроме того, выпущены «Казахский литературный язык XX столетия», «Основы культуры языка», подготовлен к выпуску 1-й том четырехтомника «Казахи в мире родного языка», «Справочник казахского языка», «Орфография и пунктуация казахского языка», «Орфоэпический словарь казахского языка», создается компьютерный фонд казахского языка» («Казахстанская правда», 23.03.01).

* * *

Я горячо и убежденно ратую за возрождение и развитие казахского языка. О том неустанно поют казахские струны моей души. Но я категорически не разделяю мнения, будто в бедах казахского языка виноват русский язык. Знание русского языка для всех нас, инородцев, — великое благо. Без русского языка любой национальный коржын заметно опустеет, отощает. И тут нечего лезть в бутылку и напрасно сотрясать воздух. На все лады проклинать разваливающуюся «империю зла». Унижением русского языка казахский язык не возвеличишь, не спасешь, не обогатишь. Русский язык тут ни при чем. Русский язык следует только благодарить. Причину бед

необходимо прежде всего искать в самих себе. «Почитай родной язык» — вот нравственное кредо любого человека.

* * *

Судьба казахского языка в настоящее время находится как бы между Сциллой и Харибдой, как бы зажата в тиски между накопленным веками несметным богатством, огромной жизненной силой и стойкостью, с одной стороны, и явственным пренебрежением нерадивых потомков к заповеданному аманату славных предков, к главному источнику народного Духа.

За многие века кочевой жизни на огромных пространствах казахи терпеливо и методично создали и отшлифовали две основополагающие ценности — язык и нравы-обычаи. И то, и другое является фундаментом национального Духа. Ныне этот фундамент находится в опасности под всеограшающим напором всеразрывающей и унифицирующей цивилизации. Устоять перед этим мутным потоком забвения сложно.

Необходимы мощные усилия вкупе с единством всего народа, всех тех, кто чтит свою национальную культуру, свое национальное обличье и не желает рухнуть, свалиться в яму тотального манкуртизма.

Я же всем сердцем уповаю на то, что природная мощь казахского языка, накопленная веками, не истает, не затеряется, не развеется на излучистых и крутых дорогах грядущих веков.

И многонациональный Казахстан, и многострадаальный, многотерпеливый казахский народ, и его своеобразный, самодостаточный язык достойны великой судьбы, как и его беспредельная ширь.

2001г.

Источник: <http://lit.kz/node/56>